УДК 316
ББК 60.5
DOI: 10.26907/2079-5912

Информационный научно-аналитический журнал
КАЗАНСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК
#3 2022 (54)
Учредитель: ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
Издательство: Издательство Казанского университета

ISSN 2079-5912
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77-75726 от 08 мая 2019 г.
Журнал размещен в Научной электронной библиотеке (участвует в программе по формированию РИНЦ).
Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» № 11899.

Адрес в сети Интернет: www.kpfu.ru/isfnmk/kazanskij-socialno-gumanitarnyj-vestnik

Редакционная коллегия
Р.Г. Минзарипов (главный редактор) – д-р социол. наук, профессор
В.А. Беляев – д-р полит. наук, профессор
А.Г. Большаков – д-р полит. наук, профессор
А.Н. Ершов – д-р социол. наук, профессор
М.Ю. Ефлова – д-р социол. наук, профессор
Г.В. Морозова – д-р экон. наук, профессор
Ж.В. Савельева – д-р социол. наук, доцент
А.Р. Тузиков – д-р социол. наук, профессор
Ю.Р. Хайруллина – д-р социол. наук, профессор
Т.М. Шатунова – д-р филос. наук, профессор
М.Д. Щелкунов – д-р филос. наук, профессор
Howard Davis – PhD in Sociology, Professor at the Bangor University (United Kingdom)
Matsuzato Kimitaka – Doctor of Law, Professor at Hokkaido University (Japan)
Andrei P. Tsygankov – PhD in Political Science, Professor at San Francisco State University (USA)

СОДЕРЖАНИЕ

Айменов А.Ж. ИНСТИТУЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ КАЗАХСТАНСКИХ СТУДЕНТОВ 4

Беляев В.А., Ахметшина А.А., Сибаева Г.Р. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ ДЕМОКРАТИИ VS ФЕМИНАЦИ, SOCIAL JUSTICE WARRIORS, BLM И «ПОКОЛЕНИЯ СНЕЖИНОК» 12

Беляев В.А., Ахметшина А.А., Сибаева Г.Р. СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ ДЕМОКРАТИИ И ИХ ИЗМЕРИТЕЛИ 19

Беляев В.А., Сибаева Г.Р., Малышева Е.В. FRATERNITÉ КАК ОДИН ИЗ КРИТЕРИЕВ ДЕМОКРАТИИ VS CANCEL-CULTURE 26

Ляликова С.В. ПРОБЛЕМЫ СЕМЕЙНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 34

Семенова Ю.А., Мохнаткина К.В. СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ТРУДОВЫМ ПОВЕДЕНИЕМ ЛИЧНОСТИ 40

Черников М.В., Перевозчикова Л.С., Авдеенко Е.В. ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ФИЛОСОФИЯ МАРЖИНАЛИЗМА 46

CONTENTS

Aimenov A.ZH. INSTITUTIONAL FACTORS OF FORMATION OF LEGAL CULTURE OF KAZAKHSTANI STUDENTS 4

Belyaev V.A., Akhmetshina A.A., Sibaeva G.R. INSTITUTIONAL VALUES OF DEMOCRACY VS FEMINATSI, SOCIAL JUSTICE WARRIORS, BLM AND «SNOWFLAKER GENERATIONS» 12

Belyaev V.A., Akhmetshina A.A., Sibaeva G.R. SOCIAL VALUES OF DEMOCRACY AND THEIR MEASURERS 19

Belyaev V.A., Sibaeva G.R., Malysheva E.V. FRATERNITÉ AS ONE OF THE CRITERIA OF DEMOCRACY VS CANCEL-CULTURE 26

Lyalikova S.V. PROBLEMS OF FAMILY EDUCATION: SOCIOLOGICAL ASPECT 34

Semenova Yu.A., Mokhnatkina K.V. SOCIAL MANAGEMENT OF PERSONAL LABOR BEHAVIOR 40

Chernikov M.V., Perevozchikova, L.S., Avdeenko E.V. PRINCIPLES OF SOCIAL INTERACTION: THE PHILOSOPHY OF MARGINALISM 46

Айменов А.Ж.

ИНСТИТУЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ КАЗАХСТАНСКИХ СТУДЕНТОВ

DOI: 10.26907/2079-5912.2022.3.4-11

Аннотация. По результатам авторского социологического исследования методом анкетирования, проведенного в 2021 году среди студентов гуманитарных и технических факультетов Казахстанского университета Дружбы Народов имени А. Куатбекова (КУДН), Шымкент, выявлен низкий уровень правовой культуры казахстанского студенчества. Составлен рейтинг институциальных факторов формирования их правовой грамотности, где на первом месте – интернет, на втором месте школа, вуз Остальные институты (СМИ, семья значительно отстают по своему влиянию на правосознание молодого поколения. Конкретизирован двойственный характер влияния интернета. С одной стороны, он повышает уровень правовой осведомленности студентов, с другой – нередко упрощает и неточно интерпретирует правовые нормы, что снижает его практическую полезность для формирования правовой культуры студентов В вузе немалое влияние оказывает характер будущей специальности: обучающиеся по технической специальности (чаще юноши) активнее замечают правонарушения, больше осведомлены о правовых аспектах своей будущей трудовой и профессиональной мобильности. Гуманитарии (чаще девушки) лучше осведомлены о своих правах в обыденной и частной сфере. В этом проявляется влияние казахстанской традиционности.

Ключевые слова: казахстанское студенчество, правовая культура, правовая грамотность, типы специальностей.

Правовые знания входят в категорию обязательных для каждого индивида. Это объясняется прежде всего тем, что право выполняет функцию регулирования социальных отношений и защиты от несправедливости. Следовательно, знания прав обеспечивает человеку безопасность и дают возможность законно решать спорные ситуации. Кроме того, знание гражданами своих прав и обязанностей является одним из важнейших показателей наличия в государстве гражданского общества, в котором люди чувствуют себя социально защищенными и доверяют правовым институтам. Такое общество функционирует стабильно, а его дальнейшее развитие можно успешно прогнозировать.

Анализ научных работ показывает, что вопрос правовой культуры достаточно хорошо изучен. Проблемы роли права в жизни общества на протяжении многих лет интересовали как зарубежных, так и российских исследователей. Правовая культура и сегодня находится в центре внимания исследователей как в России (К.А. Грандонян [1], В.А. Затонский, И.А. Исаева [2], Э.С. Насурдинова [3], В.А. Митрохин [4], И.Ю. Тягаенко [5] и др.), так и в Казахстане (Г.Р. Абсаттаров [6], А.С. Бижигитова [7], Е.Т. Джарлыкасымов [8], В.В. Загородский, Д.Т. Теменова [9], М.Ш. Какимова, А.Ж. Сыздыкова [10]). При этом особый акцент делается на проблемах формирования правовой культуры у российской (Ю.Р. Вишневский [11], Е.И. Григорьева [12], М.А. Дорофеева [13], С.Е. Карпова [14], И.В. Кольжанов [15], Д.А. Рогатых [16]), и казахстанской (Г.Р. Абсаттаров [17], Б.М. Таскенов [18], Г.Р. Шамьенова [19]) молодежи. Авторы анализируют особенности становления правовой культуры молодежи. Вместе с тем, эффективные пути повышения правовой культуры казахстанцев и особенно молодежи се еще не выработаны, правовая грамотность среди населения страны остается невысокой. Более того, в Республике Казахстан испытывается жесткий дефицит социологических исследований факторов формирования правовой культуры у молодежи и (особенно) студентов, что и обусловило авторское обращение к данной теме.

Правовая культура – важнейший элемент правовой системы, она представляет собой духовную сторону права, воздействует на другие составляющие и отражает состояние правовой сферы, а также культуру поведения индивидов в области права. Правовая грамотность является показателем уровня правовой культуры казахстанцев, она включена в ее структуру и предполагает осведомленность о законах, правах, обязанностях, а также умение приме-

нять эти знания на практике. Уровень правовой культуры измеряется с помощью основных индикаторов: правовых установок, правовой осведомленности (грамотности) и правовой активности. А влияние на эти показатели правовой культуры осуществляется посредством правового воспитания и обучения.

В отличие других характеристик, правовая культура формируется не столько в семье, сколько посредством других социальных и правовых институтов. Существуют различные объективные и институциональные факторы, оказывающие влияние на правовую грамотность. К основным можно отнести: СМИ, образование, интернет, государство, семью, наличие правового государства [20]. У каждого из этих факторов есть свои особенности, влияющие на правовые знания студентов. Для того чтобы повысить уровень правовой грамотности студенческой молодежи, нужно понимать, с помощью каких механизмов она формируется, какие факторы воздействуют на ее уровень в данной среде. Образование и интернет как объективные факторы наиболее интересны, так как чаще присутствуют в повседневной жизни студентов. Поэтому важно определить характер их влияния на формирование правовой культуры студенчества.

Эти позиции и были заложены в основу авторского социологического исследования студентов гуманитарных и технических факультетов Казахстанского университета Дружбы Народов имени А. Куатбекова (КУДН), Шымкент, проведенного в 2021 году методом анкетирования. По вероятностной квотной выборке было опрошено 486 студентов различных специальностей всех курсов. Критерии отбора – факультет, курс, возраст, пол. Результаты опроса обрабатывались на базе программы SPSS.

Образование, которое получают студенты взаимосвязано с правовым воспитанием, направленным на получение правовых компетенций. Так как в ходе образовательного процесса студенты получают общие представления о правовых процессах, происходящих в обществе, а также усваивают правовые установки. В зависимости от выбранной специальности, в образовательные программы включены различные дисциплины, направленные на повышения уровня правовой осведомленности студентов. Специальность студентов предполагает изучение дисциплин прямо или косвенно связанных с правовой областью. На технических и гуманитарных специальностях есть различие в количествах правовых дисциплин, и часах, выделяемых на их изучение. Поэтому интересно посмотреть, как выбранная специальность влияет на уровень правовой грамотности и есть ли между ними существенные различия в знании прав.

Результаты данных (Таблица 1) говорят о большом сходстве уровня правовых знаний студентов. Различия в основном составляют десятые доли процентов. Студенты технических и гуманитарных специальностей почти одинаково осведомлены о своих правах. Студенты гуманитарных специальностей немного лучше знают такие права как: право на жизнь, на неприкосновенность жилища, на социальное обеспечение, на благоприятную окружающую среду, на образование. А студенты технических специальностей больше осведомлены о праве на свободу и личную неприкосновенность, на тайну переписки и телефонных переговоров, на частную собственность, на медицинскую помощь, на участие в оправлении правосудия.

Уровень правовой культуры студенческой молодежи выражается в знании основных законов, где закреплены базовые права (Таблица 2). В данном случае также наблюдаются сходные показатели. Больше всего студентам известны Конституция РК (Республики Казахстан), Гражданский кодекс, Трудовой кодекс. Однако их известность не превышает 11–13,5%, что свидетельствует о низком уровне их осведомленности. Эти данные позволяют сделать вывод о том, что студенты технических специальностей чаще отмечали следующие законы, о знание которых они осведомлены: трудовой кодекс, закон на свободное пе-

Таблица 1

Влияние специальности респондента на знание прав, % по правам

Базовые права	Специальность		По выборке
	техническая	гуманитарная	
право на жизнь	10,8	11,5	11,1
на свободу и личную неприкосновенность	11,4	11,3	11,4
тайну переписки, телефонных переговоров	10,6	10,4	10,5
на неприкосновенность жилища	8,3	8,7	8,5
право на частную собственность	10,8	10,5	10,7
на медицинскую помощь	10,2	9,5	9,9
на социальное обеспечение	7,9	8	7,9
участвовать в оправлении правосудия	3,8	3,2	3,6
на благоприятную окружающую среду	6,8	7,2	7
право на образование	11,1	11,3	11,2
выплату заработной платы, возмещение вреда, информацию об условиях труда	8,2	8,4	8,3
Итог	100	100	100

редвижение, Закон РК об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан, закон о защите прав потребителей, кодекс об административных правонарушениях и Федеральный закон «О порядке выезда из РК и въезда в РК. Иными словами, «технари», где больше обучается юношей, прагматично интересуются правовыми основами своей будущей трудовой, публичной деятельности, профессиональной мобильности.

Студенты гуманитарных специальностей- конституцию РК, Гражданский кодекс, Семейный кодекс, Жилищный кодекс, Закон об основных гарантиях прав ребенка в РК. Можно видеть, что, во-первых, студенты технических специальностей действительно знают больше основных законов, а во-вторых анализ двух таблиц сопряженности позволил выявить интересную закономерность, в целом студенты гуманитарных специальностей, где больше доля девушек, показывают более высокий уровень знания прав, связанных с бытовой, частной жизнью (семейный кодекс, гражданский кодекс, жилищный кодекс, закон о правах ребенка). Таким образом, доминирующая традиционная казахстанская гендерная культура значимо влияет на правовые интересы студентов

Знание о том куда нужно обращаться в случае нарушения прав также отражает уровень правовой грамотности (Таблица 3). Результат показывает, что лучше осведомлены о том, куда нужно обращаться студенты гуманитарной специальности – 51,9%. Не знают куда нужно обращаться 59,4% студентов технической специальности. Это может говорить о том, что люди, обучающиеся на гуманитарной специальности, больше интересуются тем, как можно решить проблему правовой несправедливости.

Столкновение с правонарушениями является еще одним показателем правовой грамотности. Только тот, кто лучше осведомлен о своих правах может чаще замечать правонарушение (Таблица 4). Анализ данных показал, что студенты технической специальности чаще сталкиваются с нарушением своих прав – 57,4%. Студенты гуманитарии отметили что гораздо реже сталкивались с такими ситуациями – 42,6%. Данные по этому показателю, могут свидетельствовать о том, что студенты гуманитарных специальностей либо реже оказываются в конфликтных ситуациях, либо реже замечают правонарушения, а значит, их уровень правой грамотности может быть ниже, чем у студентов технической специальности. Таким образом, при достаточно низком уровне правовой культуры всех студентов наблюдается влияние будущей специальности на характер усвоения отдельных законов, прав и обязанностей.

Таблица 2

Влияние специальности респондента на знание законов, % по законам

Законы	Специальность		По выборке
	техническая	гуманитарная	
Конституция РК	13,3	13,9	13,5
Гражданский кодекс	12	12,2	12,1
Трудовой кодекс	11,7	10,6	11,3
Семейный кодекс	9	10	9,5
Жилищный кодекс	5,4	6	5,7
Закон на свободное передвижение	8,6	7,2	8
Закон РК об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан	7,4	6	6,8
Закон о защите прав потребителей	11,7	11,4	11,6
Кодекс об административных нарушениях	7,5	7,2	7,4
Закон «О порядке выезда из РК и въезда в РК	6,2	6	6,1
Закон об основных гарантиях прав ребенка в РК	7,1	9,2	8
Итог	100	100	100

Таблица 3

Влияние специальности респондента на знание о том, куда нужно обращаться в случае нарушения, % по специальности

Куда нужно обращаться, если права были нарушены	Специальность		Итого
	техническая	гуманитарная	
Знают	48,1%	51,9%	100,0%
Не знают	59,4%	40,6%	100,0%
По выборке	53,5%	46,5%	100,0%

Таблица 4

Влияние специальности респондента на ситуации, связанные с нарушением прав, % по специальности

Сталкивались ли с нарушением прав	Специальность		Итого
	техническая	гуманитарная	
Да	57,4%	42,6%	100,0%
Нет	51,5%	48,5%	100,0%
По выборке	53,5%	46,5%	100,0%

Не менее важным является то, откуда студенты получают правовую информацию. Наиболее распространенным источником правовой информации стал интернет – 22,1 % опрошенных. 19% указали, что помнят свои права со школы, а 17,2% узнают о своих правах из учебников и учебных пособий. Из первоисточников-текстов законов правовую информацию узнают 11,1%. 10,4% респондентов узнают о своих правах от родителей, 7,8% – от сверстников. Телевидение и различные мероприятия для большинства не являются источником правовой информации, этот ответ выбрали всего – 4,2%. Реже всего выбирали газеты и журналы – 2,8% и радио 1 % респондентов.

В ходе опроса студентов выказали склонность получать правовую информацию из различных СМИ, групп в социальных сетях. Первоисточники правовой информации не очень популярны в студенческой среде, то и объясняет их невысокой уровень правовой грамотности. Стремление обратиться к первоисточнику предполагает принятие дополнительных действий, усилий.

Школа как один из основных институциональных источников правовой информации оказывает достаточно сильное влияние правовую грамотность студентов. Во многих учебных заведениях введены курсы права, где закладываются основы правовой культуры учащихся. Однако на практике они часто мало связаны с конкретной реальностью, нередко излишне формализованы и студенты не учатся применять их в жизнь. То, что студенты в основном не получают правовую информацию от своего ближайшего окружения, говорит о низком уровне правовой грамотности всего казахского населения, их родителей, друзей, знакомых

Результаты авторского исследования позволяют говорить о том, что для большинства студентов интернет является приоритетным источником получения правовой информации. Но у этого источника есть немало своих особенностей, которые так или иначе сказываются на правовой культуре студенческой молодежи. Поэтому важно проследить характер его влияния на формирование правовой грамотности студенчества.

Большинство респондентов получающих правовую информацию из этого источника показывают неплохие правовые знания (Таблица 5). Так, студенты, которые используют интернет для получения правовых знаний, чуть лучше знают такие права, как: право на тайну переписки, телефонных переговоров, на неприкосновенность жилища, на частную собственность, на медицинскую помощь, на социальное обеспечение, на благоприятную окружающую среду, на образование. Только права, связанные с конкретной деятельностью (право на жизнь, на участие в оправлении правосудия, выплату заработной платы, возмещение вреда, информацию об условиях труда) лучше знают те, то не прибегает к интернету как источнику правовой информации. Видимо эти права касаются конкретной практики и злободневных проблем, поэтому здесь важно обратиться за консультацией к профессионалам. Тем не менее данные показывают, что интернет является важным источником получения знаний о некоторых базовых правах, не смотря на то, что интернет-информация может быть расплывчатой, неполной, содержать дезинформацию и т.д.

Анализируя интернет как фактор знания законов, содержащих другие не менее важные права, выяснилось, что тут преобладают пересказы других источников. (Таблица 6) Из интернета респонденты узнают некоторые права трудового кодекса –11,5%, жилищного кодекса – 5,9%, закон о защите прав потребителей – 12,2%, Кодекс об административных нарушениях – 7,5%, Закон «О порядке выезда и въезда в РК – 6,2%. Такие законы как: конституция – 14,2%, гражданский кодекс – 13,2%, семейный кодекс – 9,8%, закон на свободное передвижение – 8,3%, закон об основных гарантиях прав ребенка – 8,6% студенты узнают из других источников. Скорее всего студенты знают эти базовые права со школы так как этот правовой источник находится на втором месте по выбору ответов. Можно сделать вывод, что интернет конечно же является важным правовым источником, и дает некоторые правовые знания, однако эта информация дается неполно, в кратком изложении.

В интернете содержится большое количество различной правовой информации, в том числе и о том, куда нужно обращаться в случае нарушения прав (Таблица 7). Можно узнать какие существуют правозащитные структуры, как организована их деятельность и смогут ли они предоставить правовую помощь в случае, если права были нарушены. Поскольку общая правовая грамотность предполагает знания правозащитных организаций, необходимо проследить реальное влияние интернета как источника правовой

Таблица 5

Влияние интернета на знание базовых прав, % по правам

Базовые права	Интернет как источник правовой информации		По выборке
	используют	не используют	
право на жизнь	10,9	11,4	11,1
на свободу и личную неприкосновенность	11,4	11,4	11,4
тайна переписки, телефонных переговоров	10,6	10,5	10,5
на неприкосновенность жилища	8,6	8,2	8,5
право на частную собственность	10,7	10,5	10,7
на медицинскую помощь	10	9,5	9,9
на социальное обеспечение	8,3	7,2	7,9
участвовать в оправлении правосудия	3	4,8	3,6
на благоприятную окружающую среду	7,1	6,7	7
право на образование	11,3	11	11,2
выплату заработной платы, возмещение вреда, информацию об условиях труда	8	8,9	8,3
Итого	100	100	100

Таблица 6

Влияние интернета на знание законов, % по законам

Законы	Интернет как источник правовой информации		По выборке
	используют	не используют	
Конституция РК	13,3	14,2	13,5
Гражданский кодекс	11,7	13,2	12,1
Трудовой кодекс	11,5	10,8	11,3
Семейный кодекс	9,3	9,8	9,5
Жилищный кодекс	5,9	5,2	5,7
Закон на свободное передвижение	7,9	8,3	8
Закон об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан	6,8	6,8	6,8
Закон о защите прав потребителей	12,2	10,2	11,6
Кодекс об административных нарушениях	7,5	7,1	7,4
Федеральный закон « О порядке выезда из РК и въезда в РК	6,2	5,8	6,1
Закон об основных гарантиях прав ребенка в РК	7,8	8,6	8
Итого	100	100	100

Таблица 7

Влияние интернета на знание о том, куда нужно обращаться в случае нарушения прав законов, % по интернету

Знание о том, куда нужно обращаться если права нарушены	Интернет как источник правовой информации		Итого
	используют	не используют	
да	66,30%	33,70%	100,00%
нет	69,80%	30,20%	100,00%
По выборке	68,00%	32,00%	100,00%

информации. Оказалось, что именно благодаря интернету 66,3% студентов знают куда нужно обращаться в случае нарушения их прав. Здесь прослеживается явно позитивное влияние интернета на повышение правовой культуры молодых казахстанцев.

Можно сделать вывод, что интернет как один из объективных институциональных факторов, оказывает сильное влияние на формирование правовой грамотности казахстанского студенчества. Молодое поколение проводит большую часть времени в интернете и оттуда получает часть правовой информации. Однако, даже несмотря на то, что по некоторым критериям студенты показывают хорошую осведомленность в области права, лучше знают о правовых организациях, общий уровень правовой грамотности остается невысоким. Так как студенты, использующие интернет как источник правовой информации, знают права и законы лишь частично и в упрощенном варианте. Интернет в данном случае действительно дает большое количество различной правовой информации. Но эта информация либо совсем не структурирована, либо ее слишком структурирована ради упрощения восприятия. Более того, она бывает противоречивой, может дезинформировать молодое поколение. Вероятно, с этим связано отсутствие полного представления о своих правах среди студенческой молодежи Казахстана.

Эмпирический анализ институциональных факторов показал низкий уровень правовой культуры казахстанского студенчества. Больше всего влияние на формирование правовой культуры казахстанских студентов оказывает интернет. Однако это воздействие носит двойственный характер. Студенты, использующие интернет для получения правовой информации, лучше знают некоторые свои базовые права, больше осведомлены о правозащитных структурах, но хуже знают законы, в которых содержатся конкретные и полные правовые аспекты, связанные с трудовой, частной и бытовой сферой. Часто, правовая интернет-информация, подменяющая первоисточники, может быть искажена, толкуется упрощенно, что не способствует повышению правовой грамотности студентов.

На втором месте по силе воздействия на правовую культуру молодого поколения имеет школа и вуз, где формируются основы правосознания молодых казахстанцев. При этом в вузе немалое влияние оказывает характер будущей специальности. Было установлено, что обучение по гуманитарной специальности влияет на знание студентами правозащитных организаций. А обучающиеся по технической специальности чаще замечают правонарушение, следовательно, они лучше осведомлены в некоторых своих важных правах. Тем не менее, большого разрыва в знаниях не наблюдается, общий уровень правовой грамотности всех студентов остается достаточно низким. Знание этих особенностей казахстанского студенчества может отчасти улучшить ситуацию с правовой осведомленностью и разработать комплексную программу повышения правовой культуры студенчества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Грандонян К.А. Тенденции развития правовой культуры в условиях глобализации //Правовая культура № 2(33). – 2018. – С. 34–39.

2. Исаев И.А. Правовая культура России: учебное пособие / И.А. Исаев. – Москва: Проспект, 2015. – 96 с.

3. Насурдинов Э.С. Правовая культура: монография / Э.С. Насурдинов; отв. ред. Ф.Т. Тахиров. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2016. – 352 с.

4. Затонский В.А., Митрохин В.А. Правовая политика, правовая жизнь и правовая культура: проблема соотношения в условиях глобализации // Правовая культура. – № 4(39). – 2019. – С. 4–39;

5. Тягаенко И.Ю. Социологическая диагностика состояния правовой культуры общества. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskaya-diagnostika-sostoyaniya-pravovoy-kultury-obschestva/viewer. (дата обращения 09.10.21).

6. Абсаттаров Г.Р. Правовая культура: характеристики и специфика (на примере современного Казахстана) // Вестник РУДН, серия Социология. – 2014. – № 2. – С. 181–189. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-kultura-harakteristiki-i-spetsifika-na-primere-sovremennogo-kazahstana (дата обращения 09.10.21).

7. Бижигитова А.С., Теменова Д.Т. Правовое образование в Казахстане: современный взгляд на проблемы и перспективы развития. – URL: http://repository.nkzu.kz/5885/1/62.pdf (дата обращения 09.10.21)

8. Джарлыкасымов Е.Т. Основные направления развития правовой культуры в Казахстане // Вестник Международного юридического института. – № 1 (64). – 2018.

9. Загородский В.В. Деформация правовой культуры в современном Казахстане: понятие, последствия, пути преодоления. – URL: https://gsen.sfedu.ru/articles2010/issue2/2-28a.pdf (дата обращения 09.10.21).

10. Какимова М.Ш., Сыздыкова А.Ж. Правовая идеология Казахстана: особенности современного состояния и тенденции развития. – URL: https://docplayer.ru/56511452-Pravovaya-ideologiya-kazahstana-osobennosti-sovremennogo-sostoyaniya-i-tendencii-razvitiya.html (дата обращения 09.10.21).

11. Вишневский Ю.Р., Нархов Д. Ю. Правовая культура молодежи: методология, опыт эмпирического исследования. – URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/32289/1/klo_2015_147.pdf (дата обращения 09.10.21).

12. Григорьева Е.И., Зайцева С.П. Особенности формирования правовой культуры студенческой молодежи // Социально-экономические явления и процессы. – Т. 9. – № 12. – 2014. – С. 255–259.

13. Дорофеева М.А., Дорофеев Р.А., Мирошниченко О.И. Формирование адекватной правовой культуры выпускников российских вузов в рамках современной модели свободного образования // Правовая культура» № 1(36). – 2019. – С. 108-116

14. Карпова, С.Е. Правовая культура современной молодежи: актуальное состояние и пути её повышения / С.Е. Карпова, Е.Н. Васильева, А.Я. Кондратьев, И.О. Иванова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2018. – № 1 (187). – С. 173-175. – URL: https://moluch.ru/archive/187/47573/ (дата обращения: 14.08.2021).

15. Кольжанов И.В., Харламов С.О. Правовая грамотность молодежи и ее воспитание на современном этапе // Материалы международной научно-практической конференции «Комсомол в судьбах разных поколений страны». – Курск: Закрытое акционерное общество "Университетская книга". – 2018. – С. 57–59.

16. Рогатых Д.А., Бекишев Ю.А. Правовая грамотность молодежи как основа формирование правовой культуры // Вопросы студенческой науки. – Вып. №1. – Май 2016. – С. 31–35.

17. Абсаттаров Г.Р. Понятие воспитания правовой культуры: политологический подход к исследованию Вестник КРСУ. – 2016. – Том 16. – № 6. – URL: https://krsu.edu.kg /vestnik/2016/v6/a25.pdf (дата обращения 09.10.21).

18. Таскенов Б.М. Правовая культура студентов Республики Казахстан и Российской Федерации: сравнительная характеристика // Научно-практический электронный журнал «Аллея Науки». – №1(28). – 2019. – URL: Alley-science.ru (дата обращения 09.10.21).

19. Шамьенова Г.Р. Принципы формирования правовой культуры в рамках реализации воспитательной работы со студентами в современном вузе // Правовая культура. – № 1(40). – 2020. – С. 95–106.

20. Жидков А.А., Гордеев К.С. Факторы правового воспитания // Современные научные исследования и инновации. – 2018. – № 7. – URL: https://web.snauka.ru/issues/2018/07/87335 (дата обращения: 13.04.2022). – Загл. с экрана. – Яз. рус.

Информация об авторе

Айменов Айдар Жамбулович, преподаватель кафедры экономики и права, Казахстанского университета Дружбы Народов имени А. Куатбекова (КУДН), Шымкент, Республика Казахстан.

e-mail: zhambul_ukgu@mail.ru ORCID 0000-0002-5852-4152

Aimenov A.ZH.

INSTITUTIONAL FACTORS OF FORMATION OF LEGAL CULTURE OF KAZAKHSTANI STUDENTS

Abstract. According to the results of the author's sociological research by the method of questioning, conducted in 2021 among students of the humanitarian and technical faculties of the Kazakhstan Peoples' Friendship University named after A. Kuatbekov (KUDN), Shymkent, a low level of legal culture of Kazakhstani students was revealed. A rating of institutional factors in the formation of their legal literacy has been compiled, where the Internet is in the first place, the school and the university are in second place Other institutions (the media, the family are significantly lagging behind in their influence on the legal consciousness of the younger generation. The dual nature of the influence of the Internet has been specified. On the one hand, it increases the level of legal awareness of students, on the other hand, it often simplifies and inaccurately interprets legal norms, which reduces its practical usefulness for the formation of the legal culture of students At the university, the nature of the future specialty has a considerable impact: students in a technical specialty (more often young men) are more active in noticing offenses, more aware of the legal aspects of their future labor and professional mobility. Humanitarians (more often girls) are better aware of their rights in the everyday and private sphere. This is the influence of Kazakhstan's traditionalism.

Keywords: kazakhstani students, legal culture, legal literacy, types of specialties.

Literature

1. Grandonyan K.A. Trends in the development of legal culture in the context of globalization // Legal culture. – No. 2 (33). – 2018. – P. 34–39.

2. Isaev I.A. Legal culture of Russia: study guide / I.A. Isaev. – Moscow: Prospekt, 2015. – 96 p.

3. Nasurdinov E.S. Legal culture: monograph / E.S. Nasurdinov; resp. ed. F.T. Takhirov. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2016. – 352 p.

4. Zatonsky V.A., Mitrokhin V.A. Legal policy, legal life and legal culture: the problem of correlation in the context of globalization // Legal culture. – No. 4(39). – 2019. – P. 4–39.

5. Tyagaenko I Yu Sociological diagnostics of the state of the legal culture of society - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskaya-diagnostika-sostoyaniya-pravovoy-kultury-obschestva/viewer. (accessed 09.10.21).

6. Absattarov G.R. Legal culture: characteristics and specifics (on the example of modern Kazakhstan) Bulletin of the People's Friendship University of Russia, series Sociology. – 2014. – No. 2. – P.181–189. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-kultura-harakteristiki-i-spetsifika-na-primere-sovremennogo-kazahstana (accessed 09.10.21).

7. Bizhigitova A.S., Temenova D.T. Legal education in Kazakhstan: a modern view of the problems and development prospects. – URL: http://repository.nkzu.kz/5885/1/62.pdf (Accessed 09.10.21)

8. Dzharlykasymov E.T. The main directions of development of legal culture in Kazakhstan // Bulletin of the International Law Institute. – No. 1 (64). – 2018.

9. Zagorodsky V.V. Deformation of legal culture in modern Kazakhstan: concept, consequences, ways to overcome. – URL: https://gsen.sfedu.ru/articles2010/issue2/2-28a.pdf (дата обращения 09.10.21).

10. Kakimova M.Sh., Syzdykova A.Zh. Legal ideology of Kazakhstan: features of the current state and development trends. – URL: https://docplayer.ru/56511452-Pravovaya-ideologiya-kazahstana-osobennosti-sovremennogo-sostoyaniya-i-tendencii-razvitiya.html (accessed 09.10.21).

11. Vishnevsky Yu.R., Narkhov D.Yu. Legal culture of youth: methodology, experience of empirical research. – URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/32289/1/klo_2015_147.pdf (accessed 09.10 .21).

12. Grigoryeva E. I., Zaitseva S. P. Features of the formation of the legal culture of student youth // Socio-economic phenomena and processes. – T. 9. – No. 12. – 2014. – P. 255–259.

13. Dorofeeva M.A., Dorofeev R.A., Miroshnichenko O.I. Formation of an adequate legal culture of graduates of Russian universities within the framework of the modern model of free education // Legal Culture. – No. 1 (36). – 2019. – P. 108–116. – URL: https://gsen.sfedu.ru/articles2010/issue2/2-28a.pdf (accessed 09.10.21).

14. Karpova S.E. Legal culture of modern youth: the current state and ways to improve it / S.E. Karpova, E.N. Vasilyeva, A.Ya. Kondratiev, I.O. Ivanova. URL: Text: direct // Young scientist. – 2018. – No. 1 (187). – S. 173–175. – URL: https://moluch.ru/archive/187/47573/ (date of access: 08/14/2021).

15. Kolzhanov I.V., Kharlamov S.O. Legal literacy of youth and its upbringing at the present stage // Proceedings of the international scientific-practical conference "Komsomol in the fate of different generations of the country." Kursk Publisher: Closed joint-stock company "Universitetskaya kniga". – 2018. – S. 57–59.

16. Rogatykh D.A., Bekishev Yu.A. Legal literacy of youth as a basis for the formation of legal culture // Issues of student science. – Issue No. 1. – May 2016. – P. 31–35.

17. Absattarov G.R. The concept of education of legal culture: a political approach to research Vestnik KRSU. – 2016. – Volume 16. – No. 6 – URL: https://krsu.edu.kg /vestnik/2016/v6/a25.pdf (accessed 09.10.21).

18. Taskenov B.M. Legal culture of students of the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation: comparative characteristics // Scientific and practical electronic journal "Avenue of Science". – No. 1 (28). – 2019. – URL: Alley-science.ru (accessed 09.10.21).

19. Shamyenova G.R. Principles of formation of legal culture in the framework of the implementation of educational work with students in a modern university // Legal culture. – No. 1 (40). – 2020. – P. 95–106.

20. Zhidkov A.A., Gordeev K.S. Factors of legal education // Modern scientific research and innovation. – 2018. – No. 7. – URL: https://web.snauka.ru/issues/2018/07/87335 (date of access: 04/13/2022). –Head. from the screen. –Yaz. Russian

Author

Aimenov Aidar Zhambulovich, lecturer at the Department of Economics and Law, Kazakhstan Peoples' Friendship University named after A. Kuatbekov (KUDN), Shymkent, Republic of Kazakhstan.

e-mail: zhambul_ukgu@mail.ru ORCID 0000-0002-5852-4152

Беляев В.А., Ахметшина А.А., Сибаева Г.Р.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ ДЕМОКРАТИИ VS ФЕМИНАЦИ, SOCIAL JUSTICE WARRIORS, BLM И «ПОКОЛЕНИЯ СНЕЖИНОК»

DOI: 10.26907/2079-5912.2022.3.12-18

Аннотация. В статье обоснованы такие аксиологические критерии демократического режима, как институциональные (традиционные) ценности. Показана несовместимость разрушения этих ценностей государственности, нравственных и религиозных запретов, классической (гетеросексуальной и асимметрично-эгалитаристской) семьи с принципами демократии. Раскрыто противоречие между отношением общества и отдельных органов государства к традиционным ценностям и эволюция последних. Проанализирована роль «воинов социальной справедливости», феминаци, «поколения снежинок», BLM, критической расовой теории и глобалистов в замене демократии на радикал-либерализм.
Ключевые слова: Аксиологические критерии демократии, институциональные ценности, государственность, религиозные табу, мораль, классическая семья, гетеросексуальный брак, эгалитаризм супружеских ролей, асимметрия интергенерационной власти в семье, «воины социальной справедливости», феминаци, «поколение снежинок» и критическая расовая теория.

В отечественной научной литературе наблюдается определенный диссонанс между следованием западным традициям и канонам в рассмотрении демократии [1] и – одновременно – выделением российского кейса как какого-то уникального, идиографического. Авторы данной статьи убеждены в том, что все цивилизации имеют общую социополитическую основу и потому могут быть помещены в единую систему таксономического или иного логического ранжирования. Более того, основные политологические конструкции – от «политической власти», «политической системы», «политического режима», «демократии», «авторитаризма», «тоталитаризма», «мягких и жестких структур государства (федераций, унитарности)», «форм правления» вплоть до «типов политических элит и лидерства», «типов политического сознания» (даже несистематизированного), «электорального поведения» и типологии политических идеологий – тоже существуют не сами по себе, не связанные друг с другом, а опираются на единые критерии и потому позволяют построить взаимно конгруэнтные модели данных идеальных типов.

В частности, для типологии любых политических идеологий и политических режимов исходными критериями должны становиться не конъюнктурно выгодные отдельным политическим силам, а общие критерии (собственно, идеологии всегда имеют в своем политическом идеале определенный социополитический проект и набор связанных социополитических ценностей). Названный проект опять же включает, помимо прочего, и выбор известного политического режима. Обоснование аксиологической основы критериев типологизации режимов мы давали в предыдущей статье [2].

Основные ценности, на которых базируется идеальный тип демократии, подразделяются на институциональные и социальные. *Институциональные* (иначе, традиционные или цивилизационные) *ценности* по-прежнему имманентно входят в структуру демократии, поскольку они являются структурирующими, институциализирующими общество, позволяющими ему жить на основе согласия большинства населения с этими ценностями. Данное согласие большинства с институциональными ценностями является важнейшей частью демократической политической культуры.

Несомненно, что анализ институциональных основ демократии должен опираться на неоинституциональный подход Д.Норта и др. [3]. Так, Норт обосновывает, что «институты – это правила игры в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми» [4]. С последним согласно большинство авторов.

Институциональные ценности в своем большинстве теоретически обоснованы еще в эпохи Возрождения и Реформации (хотя существовали и до этого): это такие ценности, как государственность, религиозные и нравственные табу, классическая семья, труд, социетальные связи. В России их в 1833 г. сформулировал граф С.Уваров в виде триады «Православие, самодержавие, народность».

Институциональные ценности имеют склонность к эволюции. Они всегда были *ведущими* в идеологии консервативных сил (Республиканская партия США, ХДС-ХСС ФРГ, Консервативная партия Англии, Единая Россия в РФ и пр.). В программах остальных партий почти все они *сохранялись*, но уходили на второй план до тех пор, пока на рубеже 20-21 вв. либералы (Демпартия США, СвДП ФРГ и др.), социал-демократы и «зеленые» Европы и большинство (нео-)марксистов Запада вообще их не **отбросили**. Консерваторы сначала просто *противопоставляли* эту аксиологию социальным ценностям Модерна, потом, в 20 в., уже сочетали их с ценностью Свободы, а затем, даже приходя к власти, не аннулировали всю социальную политику, т.е. ценности Равенства. Робкая охрана институциональной аксиологии и составляет их коренное отличие от либералов. В СССР коммунисты придерживались институциональных ценностей (конечно, не только их); и РФ сохраняет традиции ориентации на данные ценности (см. табл.1). Подробный анализ научной литературы по вопросам эволюции отношения Запада к институциональным ценностям содержится во многих трудах [5-10]. Да и сами авторы этих работ часто эволюционируют, иногда в обратном направлении. Так, Ф.Фукуяма в 1990-е гг. выступал сторонником минимальной роли государства в жизни общества, а после событий 11 сентября 2001 г. стал государственником, считая слабое государство фактором, рождающим проблемы терроризма, нищеты, иммиграции и пр. В то же время взгляды противников институциональных ценностей сами по себе весьма противоречивы (так, Б.А.Леви, отрицая социальные институты государства, всегда поддерживает крайних этногосударственников в Югославии, Грузии, на Украине, что объясняется общей русофобией либерализма и нацизма, т.е. их тоталитарной направленностью). Раскроем эти ценности.

1. Под ценностью *государственности* понимаются суверенитет, патриотизм, законность, правовое государство, этатизм, выдвинутые целым рядом мыслителей древних Китая, Греции, Рима, Византии, научно проработанные в трудах Н.Макиавелли, Ж.Бодена, Г.Гроция, в основном закрепленные в рамках Вестфальской системы 1648 г. и обоснованные множеством консерваторов, либералов и социалистов. На Западе и в России возобладал этатизм в форме абсолютизма после внедрения теории государственного суверенитета Ж.Бодена, что позволило обеспечить внешнюю и внутреннюю безопасность страны и большинства людей. И, если оппозиция тираноборцев Запада была просто реакционной, то деятельность А.Курбского – еще и предательством (в чем просматриваются аллюзии с олигархией-либерализмом на Западе и в России). Государство везде было жестоким, но, в силу особенностей генезиса Запада (из недр Римской империи и варварских

Таблица 1

Институциональные ценности

	Феодализм и «дикий» капитализм			2-я половина XX–XXI век	
Ценности	Общие	Запад	Россия	Запад	Россия
государственность	этатизм, абсолютизм	крайний антигуманизм	менее жестокое государство	отказ от суверенитета всех, кроме США	равноправие, суверенитет всех стран
религия	клерикализм	папоцезаризм религиозный геноцид	цезаропапизм	антирелигиозные ценности	цезаропапизм
социетальные связи	элементы коллективизма иерархия сословий, этносов	превалирование индивидуализма этнонациональные государства национальное угнетение	преобладание соборности полиэтническое государство: развитие всех этносов	индивидуализм неоколониализм неонацизм гегемонизм	преобладание коллективизма равноправие этносов
семья	патриархат	закрытый брачный рынок	элементы открытого рынка	отказ от классического брака, семьи, child-free	традиционный и городской типы семьи, брака
труд	отказ высших классов от физического труда в католичестве и православии	в протестантизме сакрализация труда и обогащения	амбивалентное отношение к труду, подвижничество	отчуждение труда	СССР: ударничество как воплощение работы на себя, РФ: отчуждение

микрогосударств) и геополитики (постоянные войны между государствами Европы, а затем – и геноцид иных цивилизаций), там оно было крайне антигуманным (за 16 в. в Европе уничтожено 400 тыс. человек только своих подданных), а на Руси-России сложилось единое государство-цивилизация на основе греко-православного менталитета, что создало менее жестокое государство (в том же 16 в. при Иване Грозном убито 3–4 тыс. человек). В 20–21 вв. государственное строительство Запада через период господства нацизма-фашизма-расизма перешло к созданию ряда компонентов демократии для своей страны с полным отказом от суверенитета государства везде, кроме гегемонистских США. Российская цивилизация развила идеи равноправия государств на международной арене, полицентричности, считая суверенитет экзистенциальной ценностью.

Приходится это напоминать, глядя на десакрализацию государственности и законности во многих современных странах и политических учениях. Так, политическая практика показала тренд к глобализации, прикрывающей вестернизацию и американизацию всей жизни большинства стран мира, потерявших реальную *государственность*. Фактически инвективы по адресу СССР в продвижении «брежневской» доктрины ограниченного суверенитета стран ОВД, не мешавшего и выходить из этой организации (Албания), и не участвовать в совместных военных акциях (Румыния в 1968 г.), да и проводить весьма самостоятельную внешнюю и социоэкономическую политику (Румыния, Польша), ныне более адекватны для описания десуверенизации стран Европы (да и многих иных стран). В частности, как пример можно привести Болгарию, вынужденно отказавшуюся от строительства АЭС и Южного потока под давлением ЕС, осуществляющего оперативное управление страной (как и Грецией и иными государствами), тогда как стратегические решения вообще делегированы США. Открытая субординация государств и народов, присущая колониальному периоду мировой истории (когда большинство этносов мира вообще не имело собственной политической судьбы, тотально подчиняясь нескольким странам Запада), была прервана в 1960–1990-м гг. Это произошло благодаря деколонизации этого большинства и решающей роли СССР в последней (в названные 30 лет большинство стран мира голосовало солидарно с США в 0% случаев, а с СССР – в 95%, т.к. 5% резолюций поддерживались США и СССР).

После развала СССР большинство в ООН снова послушно перешло к США (как в 1945-1959 гг.). Ибо альтернативой послушанию сразу становится замена норм международного права «международными правилами», предполагающими отказ от верховенства права, от разделения властей (когда исполнительная власть решает важнейшие вопросы о санкциях и отъеме собственности без суда и даже заменяет презумпцию невиновности на highly likely), признание кровавых «цветных» переворотов в одних странах с разрушением их государственности (Югославия, Украина, часть арабского мира и Африки) и непризнание других переворотов и итогов гражданских войн (Йемен).

Яркой иллюстрацией элиминации международного права является полное игнорирование Западом открытого попрания Украиной норм обращения с пленными, пыток, убийств, издевательств (и оправдание этих акций «Азова» президентом Украины, ответившего про них: «Они такие, какие есть»), тогда как весь Запад и Украина подписали Женевскую конвенцию об обращении с военнопленными (12.08.1949), в которой прямо сказано: «Военнопленные находятся во власти неприятельской Державы, но не отдельных лиц или воинских частей, взявших их в плен». Разрушают Вестфальскую и последующие системы формирования этнонациональных и моноконфессиональных государств создание наднациональных органов в Европе и бесконтрольная миграция миллионов «беженцев». Это переселение связано не только с отказом бывших метрополий возместить ущерб (нео-)колониального господства, но и с развязыванием ими же постколониальных вторжений, свержений законных властей и чередой гражданских войн.

Так что суверенитет государства остался привилегией лишь США, выстроивших впервые в истории идеал *глобалистов* – однополярный мир с мировым жандармом, заменивший элементы демократии в международных отношениях на тоталитаризм. Не отменяют негатив глобализма ни глокализация, ни панрегионализм. О последствиях для мироустройства того, что Россия и ряд иных стран выступили категорически против десуверенизации государств, либеральные политологи и власти на Западе редко задумываются.

В 2019 г. мы проводили репрезентативный опрос населения РТ (опрошено 1480 респондентов), показавший наличие определенной корреляции этнической и этногосударственной идентичности. Так, выбрали как наиболее близкий ответ «Я россиянин» 39,5% опрошенных (среди русских – 61,5%, среди татар – 19,4%). Еще четче эта связь прослеживается при выборе ответа «Я татарстанец» (его предпочли 10,5% респондентов, 1% русских, 19,2% татар). Остальные выбрали двухосновной вариант «Я в равной степени россиянин и татарстанец» (соответственно, 45,2%, 30,9% и 58,3%). Выбор большинством русских только российской идентичности и подавляющим большинством татар – отказа от этого варианта показывает наличие коллизии этногосударственных идентичностей, вызванной неприятием сепаратизма РТ 1990-х гг. На вопрос «Что Вы считаете своей Родиной?» ответ «Россия» выбрали 33,8% респондентов, причем русских среди таких оказалось почти в два раза больше,

чем татар. Вариант «Город, в котором родился» указало 27,2% респондентов. А вот РТ в качестве Родины отметило всего 18,9% респондентов, из них 28,7% – это татары и лишь 8,0%-русские. Были предложены также такие варианты, как «СССР» (9,2%, у русских – 7,9%, татар – 10,3%), «Город, где проживаю в настоящее время» – 8,0% (у русских – 8,4%, татар – 7,6%). При этом вариант «Россия» выбирали более молодые респонденты. За полный суверенитет («политическую самостоятельность на международном уровне») выступают 17,2% (среди русских 13,9%, среди татар – 18,8%. Таким образом, этногосударственная составляющая суверенитета РТ сильно выхолощена, даже в сознании татар, суверенитет Татарстана трактуется чаще всего как его реальная автономия в федеративном государстве [11]. Понятно, что патриотический подъем в 2022 г. укрепил общероссийские начала государственности в РФ.

2. В оценке *религии* в Средние века повсеместно господствовал клерикализм, но, если на Западе – в форме папоцезаризма (когда папа римский или иной первосвященник играл большую роль, чем светский правитель, а первым сословием было духовенство), то в России и при царях, и в РФ преобладает цезаропапизм (при котором глава государства важнее церковной власти). В 21 в. на Западе возобладали антирелигиозные ценности (в пропаганде, законах, обществе), тогда как в РФ возродилось уважение к традиционным религиям. Тем самым образовался серьезный разрыв между отношением Запада и России в отношении к религии и морали с их тысячелетиями существовавшими запретами-табу, нормами, понятиями зла, порока, греха, аморализма. Общая атака радикал-феминизма, ЛГБТ и иных «биологических» меньшинств на религию и мораль большинства и показывает тоталитарную ориентацию всех «воинов социальной справедливости».

3. В сфере *социетальных отношений* при феодализме на селе (а это более 90% населения) везде (даже на Западе) превалировал коллективизм (в формах социальной взаимопомощи и социального контроля) с иерархией сословий и этносов. Коллективизм как взаимопомощь в труде, распределении и перераспределении благ, и как эмпатия-солидарность существуют в любой культуре, но преобладают в странах с суровым климатом и сложными геополитическими условиями.

Однако затем благоприятный климат, ряд эпидемий и войн на Западе позволил сформировать хуторскую систему с господством индивидуализма. По либералу К. Попперу, индивидуализм – это не эгоизм, и он выше коллективизма, так как защищает права индивида, а вот коллективизм Поппер оценивает негативно, как средство подчинения людей общей воле. Однако сегодня западный индивидуализм перешел в крайний эгоизм, обожествление Маммоны, в общество потребления, в котором альтруизм и самопожертвование перестали быть ритуализированными практиками.

Вестфальская система учредила принцип моноэтнических государств-метрополий на Западе (где иные этносы или уничтожены, или подчинены (угнетены) через колониальную, а ныне – неоколониальную систему с господством США). После отмены сословий остаются социальная дистанция, сохранилось в США и совмещение классовых и расовых границ (когда большинство негров являются бедными и потому больными, что показала пандемия коронавируса). До сих пор, несмотря на BLM, в США пока господствуют WASP.

В России сложные природные условия требовали сохранения коллективного (общинного) владения, распоряжения и пользования землей (артельный труд), а также совместного и уравнительного потребления и справедливого перераспределения. Попытки Столыпина индивидуализировать и дифференцировать крестьян не удались. Советское государство использовало общинность крестьян для коллективизации села и внедрения более справедливой системы перераспределения национального богатства. В РФ сохранение коллективизма выражается и в социальных практиках «хождения в гости», «кухонных разговоров по душам».

Необходимость выхода к морям привела не к уничтожению иных этносов, а к формированию полиэтнического государства, сохраняющего и даже развивающего все этносы, а с 20 в. – даже к этнонациональной (точнее, смешанной, двухосновной) федерации.

Радикальный индивидуализм «биологических» меньшинств Запада стремится к разрушению всех социетальных отношений, кроме своей тоталитарной монополии на власть и пропаганду.

4. В *семейно-брачной* сфере для всего средневековья свойственна личная зависимость людей от старших и от мужчин в семье. Однако на Западе брачный рынок был гораздо более закрыт, чем на Руси-России, где элементы открытого рынка чаще позволяли заключать браки на основе эмоциональной привязанности. Индустриализация, урбанизация и эмансипация женщин везде привела к свободе разводов и малодетности. Вместе с тем городской культуре многих стран Запада было свойственно отделение достигших совершеннолетия детей от родителей, а в современных условиях происходит целенаправленная ликвидация традиционного брака, семьи, когда ювенальная юстиция и гомосексуальные пары просто охотятся за детьми, похищая их из семей, сформировалась субкультура child-free.

В России сохраняются как традиционная, так и современная городская семьи. Классическая (гетеросексуальная и асимметрично-эгалитаристская) семья, могла в Рос-

сии превратиться из расширенной в нуклеарную, но она сохраняла разделение ролей между супругами и поколениями в семье, создавала среду для социализации молодого поколения (от принципов личного паттерна родителей («Делай, как я!») и систем социального контроля и пресечения девиантности в традиционной семье – до параллельного воспитания, по А.С.Макаренко, в более позднее время). Не прививаются в обществе и толерантность к ЛГБТ, и диктат любых меньшинств.

5. *Труд*, точнее, мотивация к деятельности. Привилегированные классы всегда презирали физический и даже часть интеллектуального труда. Вместе с тем отношение к труду диктуется как потребностями людей (веками выражавшимися в выборе разных ценностей религии), так и климатом. У католиков, как и у православных и мусульман – амбивалентное отношение к труду, ибо в Ветхом Завете труд – это божье наказание за первородный грех. Выбравшие в этом отношении лишь идеи Иисуса из Нового Завета протестанты сакрализировали любой труд и трудовое обогащение, как писал М.Вебер. В итоге страны, где протестанты пришли к власти, довольно быстро стали высокоразвитыми: Швейцария, Голландия, Англия, США и Скандинавия.

Однако у православных отношение к труду отличается и от католического. На Руси невозможно было выжить при пренебрежении к труду. Именно климат, почва и история требуют от труда (как и от обороны) активизма, подвижничества, порывов, подвигов, иногда – самопожертвования, а также братства как формы коллективизма. Наличие лишь одного урожая в год и требовали напряжения всех сил основной массы населения в страду и (часто) терпения и аскетизма при недороде, когда большая часть земли находится в зоне рискованного земледелия и лишь очень редко урожай превышает «сам – три» и «сам – пять». Освобождение труда от классовой эксплуатации позволило коммунистам СССР в своей программе записать не только ценности эпохи модерна, но и отдельные институциональные (общечеловеческие) ценности: Мир, Труд, Свобода, Равенство, Братство и Счастье всех народов.

Институциональные ценности структурировали любое общество, не давая ему распасться, поддерживали его социальные границы и единство. Поэтому они признавались всеми основными идеологиями (консерватизмом, либерализмом, социализмом, причем лишь в первой из них они были системообразующими данную идеологию). Однако в 20 в. постепенно эти ценности стали опорой лишь неоконсерватизма (правда, наряду с признанием личной свободы) и советского марксизма, а остальные идеологии на Западе стали отказываться от данной аксиологии. С конца 20 в. трансформация Запада уже произошла со всеми *институциональными ценностями*, за «отсутствие» которых так осуждали СССР. Что касается *религиозных и моральных норм и традиционной, классической* (основанной на гетеросексуальном браке, эгалитаризме трудовых ролей супругов и асимметрии интергенерационной власти) *семьи*, то борьба с этими институтами шла в русле «окон Овертона»: наступление на них началось после «студенческой весны» 1968 г. сначала профессорами-неомарксистами, студенческими союзами и хиппи прежде всего в англосаксонских странах, затем было распространено СМИиК, рядом деятелей искусства, левых и либеральных партий.

Позже пришедшие на Западе к власти сторонники ЛГБТ и дехристианизации начали принимать законы, ущемляющие гетеросексуальные семьи (браки и детей в них) в сфере государственного строительства, образования и в доступе к изложению своих позиций. Среди церковников первыми стали регистрировать гомосексуальные браки протестанты, но уже во многих католических странах Европы, а потом и Латинской Америки и на международном уровне возник диктат ЛГБТ. Так, ВОЗ (в которую входят медицинская корпорация и власти России) провозгласили любовь болезнью, а гомосексуализм – нормой [12-13]. Законы о семейном насилии, ювенальной юстиции, харрасменте во все большем числе стран, объявляющих себя демократиями, приняли агрессивный характер в отношении классических семей. Так, даже в билль о семейном насилии в РФ включены непроработанные положения о борьбе с экономическим и психологическим насилием в семье и санкциях против него [14]. В детсадах Казани детям раздавали номера «телефонов доверия», куда надо звонить, если родители психологически давят на ребенка, заставляют его что-то делать или запрещают что-либо. Тем самым поборники ювенальной юстиции и феминизма третьего поколения пробрались в системы госорганов и учреждения управления дошкольным образованием и СМИиК даже в России. В результате и феминаци, и «поколение снежинок», и деятели ЛГБТ, захватившие всю сферу «масскульта», и часть трудовых мигрантов из стран СНГ (прежде всего радикальные ваххабиты), по аналогии с Западом, уверены в своей исключительности, требуют себе дополнительных прав, которые нарушают традиционные нормы морали и даже разрушают семьи в РФ.

Большинство из названных «биологических» меньшинств стремятся объединиться в блок «воинов социальной справедливости», хотя в России и церковь, и государство, и само общество пока активно сопротивляются такому прессингу.

Однако постепенная деградация морали, религиозных норм и традиционной семьи прослеживается и в школе, и в вузах (в условиях элиминации гуманитарных дисциплин в силу замены их специальными предметами для возмещения сокращения последних из-за смены специалитета на бакалавриат), и в различных фирмах, и на улицах, и в интернете, «воспитывающем» во многом нашу молодежь.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фарукшин М.Х. Сроки президентских полномочий или бессрочная верховная власть // Политическая власть. 2019. – №4. – С. 240– 261.

2. Беляев В.А. Социальные основы политического режима // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2021. – №1. – С. 4–11.

3. Юрина Н.С. Неоинституциональный подход в политических исследованиях: теоретические предпосылки формирования // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2016. – № 5. – С. 60– 69.

4. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги Начала, 1997. – 180 с.

5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003. – 640 с.

6. Фукуяма Ф. Великий разрыв. – М.: Эксмо, 2003. – 480 с.

7. Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: АСТ, 2015. – 288 с.

8. Поппер К. Открытое общество и его враги. – М.: Феникс, 1992. – Тт. 1– 2.

9. Бжезинский З. Выбор: Мировое господство или глобальное лидерство. – М.: Международные отношения, 2010. – 262 с.

10. Воржецов А.Г. Общественно-политические парадигмы и развилки в XX веке: Запад и Россия. – М.: Аргамак-Медиа, 2021. – 184 с.

11. Беляев В.А., Ахметшина А.А. Генерационная специфика языковой и этногосударственной политики в полиэтническом обществе // SocioTime. 2019. – №2. Йошкар-Ола. – С. 85– 95.

12. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) официально включила любовь в список психических заболеваний. – URL: https://infosila.ee/main/2056-vsemirnaya-organizaciya-zdravoohraneniya-voz-oficialno-vklyuchila-lyubov-v-spisok-psihicheskih-zabolevaniy.html. Доступ своб. Дата обращ: 07.02.2022.

13. 17 мая 1990 г. Всемирная организация здравоохранения исключила гомосексуальность из списка психических заболеваний. – URL: https://www.denvistorii.ru/17-maya/vsemirnaia-organizatsiia-zdravookhraneniia-iskliuchila-gomoseksualnost.html. Доступ своб. Дата обращ: 07.02.2022.

14. Проект. Федеральный закон. О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации. – URL: http://council.gov.ru/media/files/rDb1bpYASUAxolgmPXEfKLUIq7JAARUS.pdf. Доступ своб. Дата обращ: 07.02.2022.

15. Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

16. Шумпетер Й.А. Капитализм, Социализм и Демократия. – М.: Экономика, 1995. – 540 с.

Информация об авторах

Беляев Владимир Александрович, д.полит.н, профессор, заведующий кафедрой социологии, политологии и менеджмента, Казанский национальный исследовательский технический университет – КАИ им.А.Н.Туполева.

E-mail: vlad_belyaev@list.ru

Ахметшина Анна Алексеевна, к.с.н, доцент кафедры социологии, политологии и менеджмента, Казанский национальный исследовательский технический университет – КАИ им. А.Н. Туполева.

E-mail: anna.akhmetshina@ gmail.com

Сибаева Гульназ Рашитовна, к.э.н., доцент, кафедра информатики и информационно-управляющих систем, Казанский государственный энергетический университет.

E-mail: sibaeva.gr@kgeu.ru

Belyaev V.A., Akhmetshina A.A., Sibaeva G.R.

INSTITUTIONAL VALUES OF DEMOCRACY VS FEMINATSI, SOCIAL JUSTICE WARRIORS, BLM AND «SNOWFLAKER GENERATIONS»

Abstract. The article substantiates such axiological criteria of a democratic regime as institutional (traditional) values. The incompatibility of the destruction of these values of statehood, moral and religious prohibitions, the classical (heterosexual and asymmetric-egalitarian) family with the principles of democracy is shown. The contradiction between the attitude of society and particular bodies of the state to traditional values and the evolution of the same ones is revealed. The role of "social justice warriors", feminazi, "snowflake generation", BLM, critical racial theory and globalists in replacing democracy with radical liberalism is analyzed.

Keywords: Axiological criteria of democracy, institutional values, Statehood, religious taboos, morality, classical family, heterosexual marriage, egalitarianism of marital roles, asymmetry of intergenerational power in the family, "warriors of social justice", feminazi, "snowflake generation" and critical racial theory.

Literature

1. Farukshin M. Kh. Presidential term or the supreme power without time-limit. // Political science (RU), 2019. – № 4. – P. 240-261.

2. Belyaev V.A. Social basics of the political regime // Kazan Social and Humanitarian Bulletin, 2021. – №1. – P. 4-11.

3. Yurina. N.S. Neo-institutional approach in political research: theoretical background of its formation. // Bulletin of the Moscow University. Series 7: Philosophy. 2016. – №. 5. – Pp. 60–69.

4. North D. Institutes, institutional changes and the functioning of the economy. M.: Foundation of the Economic Book of the Beginning, 1997. –180 p.

5. Huntington S. P. The Clash of Civilizations? – M.: AST, 2003. – 640 p.

6. Fukuyama F. The Great Rift. – M.: Eksmo, 2003. – 480 p.

7. Fromm E. Escape from freedom. – M.: AST, 2015. – 288 p.

8. Popper K. The Open Society and Its Enemies. – M.: Phoenix, 1992. Tt.1-2.

9. Brzezinski Z. The Choice: Global domination or global leadership. – M.: International Relations, 2010. – 262 p.

10. Vorzhetsov A.G. Socio-political paradigms and forks in the XX century: The West and Russia. – M.: Argamak-Media, 2021. –184 p.

11. Belyaev V.A., Akhmetshina A.A. Generation specificity of language and ethnical state policy in a poliethnic society // SocioTime. – 2019. – №. 2. – Yoshkar-Ola. – Pp. 85–95.

12. The World Health Organization (WHO) has officially included love in the list of mental illnesses. URL: https://infosila.ee/main/2056-vsemirnaya-organizaciya-zdravoohraneniya-voz-oficialno-vklyuchila-lyubov-v-spisok-psihicheskih-zabolevaniy.html (date of treatment – 07.03.22).

13. May 17 , 1990. The World Health Organization has excluded homosexuality from the list of mental illnesses. URL: https://www.denvistorii.ru/17-maya/vsemirnaia-organizatsiia-zdravookhraneniia-iskliuchila-gomoseksualnost.html (date of treatment – 07.03.22).

14. Project. Federal law. On the prevention of domestic violence in the Russian Federation. URL: http://council.gov.ru/media/files/rDb1bpYASUAxolgmPXEf KLUIq7JAARUS.pdf. (date of treatment – 07.03.22).

15. Weber M. Selected works. – M.: Progress, 1990. – 808 p.

16. Schumpeter J.A. Capitalism, Socialism and Democracy. – M.: Ekonomika, 1995. – 540 p.

Authors

Belyaev Vladimir Aleksandrovich, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Political Science and Management, Kazan National Research Technical University – KAI named after A.N.Tupolev.

E-mail: vlad_belyaev@list.ru

Akhmetshina Anna Alekseevna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Sociology, Political Science and Management, Kazan National Research Technical University – KAI named after A.N.Tupolev.

E-mail: anna.akhmetshina@ gmail.com

Sibaeva Gulnaz Rashitovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Kazan State Power Engineering University.

E-mail: sibaeva.gr@kgeu.ru

Беляев В.А., Ахметшина А.А., Сибаева Г.Р.

СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ ДЕМОКРАТИИ И ИХ ИЗМЕРИТЕЛИ

DOI: 10.26907/2079-5912.2022.3.19-25

Аннотация. В статье предложены такие аксиологические критерии демократического режима, как социальные (модернистские) ценности. В рамках четырех видов социального равенства выделены такие их измерители, как показатели скорости и масштаба социальной мобильности и размера разрывов доходов. Рассмотрены трактовки свободы индивида как законопослушности (на Западе) и как воли (в России). Обоснована базовая роль прав на жизнь и личную свободу для остальных прав. Квантифицирована роль децильного коэффициента как измерителя уровня социального равенства и степени внедрения демократии.

Ключевые слова: измерители демократии, онтологическое равенство, равенство возможностей, равенство условий, равенство результатов, децильный коэффициент, свобода как воля, свобода как законопослушность, доля социальных расходов.

В предыдущих статьях обоснованы такие критерии демократии, как институциональные и социальные ценности [1-2]. Для оценки меры приближения отдельных обществ к демократии критерии выделения типов политических режимов должны быть дополнены системой показателей и измерителей.

На Западе существует обширный массив трудов, авторы которых стремятся предложить подобные показатели и даже квантифицировать их [3-5]. В какой-то степени родоначальниками этой традиции можно считать Платона, Аристотеля и иных античных авторов и деятелей эпохи Возрождения. Однако западная политология сводит режим к политической системе, что, конечно, облегчает квантификацию, но делает ее слишком поверхностной, произвольной и формальной.

Мы исходим из того, что демократия как режим – это идеальный тип [6], в полной мере не реализуемый в социальной практике. Вместе с тем, выбор критериев определения политического режима на основе ценностей эпох Возрождения (институциональная аксиология) и Просвещения и Великой французской революции (социальные ценности) позволяет как включать в рамки этих критериев конкретные показатели и индикаторы, так и проводить анализ отдельных социальных практик в разных странах.

Что касается ценностей эпохи Просвещения (***модернистской аксиологии***), то и первоначально разные идеологии и политические режимы опирались лишь на часть из них (на личную Свободу или, «наоборот», на Социальное равенство и Справедливость). А в 21 в. и эти ценности были содержательно деформированы, *ресемиотизированы* идеологами «биологических» меньшинств («воинов социальной справедливости», феминаци, «поколением снежинок», ЛГБТ и критической расовой теорией), что резко развело понятия демократии и либерализма, привело к откровенной замене демократии (как власти, хотя бы учитывающей волю большинства) на радикал-либерализм и *впервые* вызвало несовместимость традиционных ценностей и аксиологии модерна. Как же это удалось совершить?

Дело в том, что еще в эпоху Просвещения стало трюизмом выделение демократии и гуманизма на основе ценностных ***критериев Свободы, Равенства и Братства***. Мы предлагаем вернуться к этой классической аксиологии. Тем самым, демократия – это максимальное приближение и внедрение названных ценностей. Признавая указанную аксиологическую триаду, сами просветители различались по тому, какие из этих ценностей считали важнейшими: либералы Вольтер и Ш. Монтескье акцентировали Свободу, оставляя от Равенства лишь равноправие. Революционные демократы и социалисты Ж.-Ж.Руссо, Мабли, Морелли, Мелье, Бабеф, А.Радищев отдавали приоритет ценностям Равенства и Братства. И в дальнейшем, если подходить *в первом приближении*, то можно согла-

ситься с утверждением, что Западная цивилизация предпочла Свободу, а Российская в лице СССР – Равенство и Братство. Точнее, либералы выбирали права личности, а коммунисты – коллективные права, социальное равенство и социальную справедливость. Так, дополняя триаду Великой Французской революции, третья Программа КПСС 1961 г. выделила такие ценности, как Мир, Труд, Свобода, Равенство, Братство и Счастье всех народов. Это является одной из причин, почему Англия и США были союзниками СССР, а не Германии во время Второй мировой войны – потому что Гитлер отвергал **все** эти ценности, т.е. покушался на жизнь всех народов, кроме немецкого (с позиции нацистов), и потому стал абсолютным злом. В этих условиях СССР и западные либеральные режимы имели **общую** ценностную основу.

Социальная реальность и сведение ценностей в таблице 1 показывают **взаимосвязь** разных групп прав (Свобод) с конкретными видами Равенства и отдельными проявлениями Братства. Так, личные Свободы *конгруэнтны* с онтологическим Равенством, а экономические и политические Свободы – с Равенством возможностей. Все Свободы и названные два вида равенства сочетаются с таким видом Братства, как Справедливость в качестве эквивалента. «Позитивные» же права соответствуют Равенству условий или результатов и Справедливости как возмещению недостающего социально-слабым слоям и как Интернационализму. Раскроем их суть.

Начнем с **социального равенства** как критерия демократии. Такое равенство – это положение, при котором у людей имеются одинаковые возможности доступа к одному из четырех благ: богатству, власти, престижу и образованию. Обычно разделяют *четыре вида* социального равенства:

Первым является **онтологическое равенство** (предложил его Иисус в 1 веке: он отверг все виды социального неравенства, заложенные в Ветхом Завете и социальной практике: рабство, этнонационализм, расизм, эйджеизм, сексизм, сословность, неравенство прав богатых и бедных). Расизм и рабовладение различаются между собой, в основе как сословность и крепостное право, т.е. прежде всего как общее (как мировоззрение, правовые нормы, регулирующие жизненные шансы, и внеэкономическое принуждение) и частное (лишь опирающееся прежде всего на последнее из названного).

В России *рабства* как господствующего уклада не было никогда, на Западе оно было в течение, как минимум, тысячелетия, по 5 в. н.э. В эпоху Великих географических открытий (с 16 в) рабство в основных странах Европы возродилось и было отменено в 19 в., а в США – после гражданской войны 1861–1865 гг.

Белый *расизм* господствовал на Западе. Католики Латинской Америки уничтожили все высокие цивилизации индейцев (ацтеков, майя, инков), но в последующем они признали существование «души у индейцев», исходя из принципов Иисуса. Поэтому южнее США имеется большая раса креолов (помесь европейцев и индейцев). Протестанты же не создали в Северной Америке смешанную расу, ибо у индейцев «нет души», тем самым протестанты в этом опирались не на Иисуса, а на Ветхий Завет с его рабовладением и расизмом. Православие всегда следовало заветам Иисуса, поэтому расизма в нем не было. Тем более в советское время расизм отвергался как обществом, так и государством, тогда как в США все еще были скамейки, сиденья, раковины, бары, школы «для белых» и «для цветных» и занимался террором Ку-клукс-клан. Тем самым лишь к концу 20 в. Запад начал признавать это равенство, хотя до сих пор полиция чаще убивает на улицах черных, среди цветных превалируют бедные, поэтому и коронавирусом они чаще болели, ибо не имели страховки, за которую надо платить много лет значительные суммы. В ответ развился черный расизм в лице BLM.

Тем более это касается внешней политики. Как пишет В. Мараховский, «*Это когда-то, лет двести назад, недочеловеками прилично было считать, например, ирландцев в Англии. Приличные люди соглашались с тем, что ирландец по своим расовым качествам куда ниже, чем настоящий англичанин, склонен к пьянству, лени и бунту, поэтому церемониться с ним нечего. Ирландцев изображали в виде*

Таблица 1

Ценности эпохи модерна

СВОБОДА (ПРАВА)	РАВЕНСТВО	БРАТСТВО
1) *Свободы*, индивидуальные, «негативные» права XIX в.: – личные	1. Онтологическое равенство	А. **Справедливость** как эквивалент
– экономические – политические	2. Равенство возможностей	
2) *«позитивные»,* коллективные права XX в.: – социальные – культурные – экологические	3. Равенство условий 4. Равенство результатов	Б. **Справедливость** как возмещение (соцобеспечение) и **интернационализм (солидарность)**

обезьян, и это было смешно. Про другие нации и тем более другие расы говорить о равенстве на Западе считалось просто антинаучным. Следы восприятия цветных людей в качестве недоразвитых гоминид отпечатались даже в приключенческих книжках – от «Детей капитана Гранта» Верна до фантастики Уэллса. В XX веке, когда расовая теория была опровергнута в ходе научного эксперимента Красной армией (1941-1945), в мире что-то надломилось, и количество тех, кого можно не считать за людей, начало стремительно съеживаться. Где-то в 1970-х белым стало нельзя публично рассказывать анекдоты «чем сбитый негр отличается от сбитой собаки», в нулевых недопустимы стали шутки о живущих и умирающих крупным оптом индийцах и китайцах, последовательно из числа недочеловеков исчезли женщины, арабы и латиноамериканцы. В итоге в числе «разрешенных недочеловеков» остались только русские. Нет, правда – за выражение ненависти к русским, за клевету на русских, за распространение лживых и расистских стереотипов о русских пока что на Западе не наказан ни один политик, ни один журналист и ни одно публичное лицо. …Главное – в самой идее: в России просто не может, нельзя, запрещено быть такому маленькому количеству смертей от болезни, которая косит по всей просвещенной Европе и просвещенной Америке десятки и сотни тысяч людей» [7]. Так что Запад при всем своем лицемерии все-таки остался на уровне Ветхого, а не Нового Завета.

Вторым видом социального равенства является **равенство возможностей**, которое предложили либералы 17–8 вв. и внедряли его в годы Великой Французской революции. Это прежде всего ликвидация сословий, запретов на социальное восхождение (а также абсолютизма и клерикализма), т.е. это равноправие, юридическое (или формальное) равенство. Но оно тоже необходимо для демократии. В России сословия отменила Советская власть в ноябре 1917 г. В ряде стран Запада сохраняются реликты сословий: палата лордов в Англии, сама монархия. Королева Великобритании в Канаде, в Австралии, в Новой Зеландии и т.д. ставит и снимает генерал-губернаторов, а те формируют правительства. Да и в Англии без ее подписи не может выступить премьер-министр со своей программной речью.

Данный критерий может быть квантифицирован с помощью показателей абсолютной и относительной *мобильности*, ее скорости и масштабов [8, с 181–182], а также измерения *разрывов в доходах*. Наиболее высокая восходящая мобильность из развитых стран в 20 в. была в СССР и в США, хотя и носила разный характер. Обычно при названном виде равенства *децильный коэффициент* (разрыв доходов между 10% самых богатых и 10% самых бедных) как измеритель равенства **превышает 10. Э**то существует в Латинской Америке, Азии, Африке и в России: при царе в нашей стране он превышал 25–30 раз, в СССР при «позднем Горбачеве» он вырос до 10, при Ельцине и Путине – до 17-18, а такая социальная пропасть между богатыми и бедными чревата общественными коллизиями.

Третий вид социального равенства – **равенство условий** – это выравнивание с помощью государства социальных различий, то есть помощь социально-слабым слоям. Этот принцип марксисты выдвинули в конце 19 в. и внедрили: коммунисты – сразу в 1917 г., а социал-демократы в форме социального государства – в середине 20 в. В СССР такая помощь была поставлена лучше, чем на Западе, а в современной России – хуже, чем на Западе. Ныне она вырождается на Западе в «позитивную» дискриминацию любого «биологического» большинства (расового, этнического, гетеросексуального, эйджеистского, вплоть до «позитивного» расизма, борьбы феминаци с секс-харрасментом) со стороны «поколения снежинок», BLM, «воинов социальной справедливости» (термины, чаще используемые как пейоративы со стороны консерваторов) [9–11].

Все названные виды дискриминации большинства в гораздо большей степени разрушают основы демократии, нежели даже дискриминация меньшинств, ибо демократия основана на решении вопросов по большинству. К тому же эта дискриминация попирает демократический принцип равенства людей, естественных прав человека.

При равенстве условий децильный коэффициент (как измеритель равенства) составляет **3-6 (реже до 10)**, что формирует социальную стабильность. Такой он в Западной Европе, но не в США и иных странах. В частности, в СССР в конце правления Сталина (1953 г.) опустился до 7, в конце хрущевских времен (1964 г.) – до 5,5, в конце жизни Брежнева (1982 г.) – 3. Так что был большой период, когда наша страна быстро переходила от «равенства возможностей» к «равенству условий» (на котором задержалась на длительный период) и обратно.

Последним видом равенства является **равенство результатов** – это полная «уравниловка», радикальный эгалитаризм, Прокрустово ложе, в которое помещают всех граждан путем *уравнительного перераспределения* доходов. Такое встречалось в общинах первохристиан, во многих сталинских колхозах, в современной Швеции и полпотовской Кампучии, в коммунах хиппи и маоистского Китая, в первых израильских киббуцах. Фактически на этом демотивирующем виде равенства стоит вся социальная практика диктата «биологических» меньшинств, «воинов социальной справедливости». Минус этого вида равенства в том, что исчезает мотивация к труду, карьере, образованию, а децильный коэффициент при этом **равен 1–2**. Очевидно, что такая демотивация лишает жизненных шан-

сов большинство населения и не может быть критерием демократии как режима, отражающего интересы такого большинства.

Второй ценностью эпохи Просвещения, позволяющей сформировать демократию, является Свобода. Дело в том, что ***Свобода*** – это, в современном понимании, лишь часть прав человека. **Права –** это то, что человек может делать. Права человека делятся на **два класса**:

1) ***Свободы, или индивидуальные права***, выдвинутые **в 19 в**. (когда мы говорим «НЕТ» государству, «не вмешивайся», поэтому их называют еще негативными). Свобода – это возможность действовать по своей воле, как писал Т.Гоббс [12]. Это запрет на вмешательство государства. Ф.М.Достоевский отмечал: «Что такое liberté? Свобода. Какая свобода? Одинаковая свобода всем делать всё что угодно в пределах закона. Когда можно делать всё что угодно? Когда имеешь миллион. Дает ли свобода каждому по миллиону? Нет. Что такое человек без миллиона? Человек без миллиона есть не тот, который делает всё что угодно, а тот, с которым делают всё что угодно. Что ж из этого следует? А следует то, что кроме свободы, есть еще равенство, и именно равенство перед законом. Про это равенство перед законом можно только сказать, что в том виде, в каком оно теперь прилагается, каждый француз может и должен принять его за личную для себя обиду» [13].

Тем самым на Западе Свобода – это **законопослушание**, т.е. человек может делать все, что не запрещено. Однако Запад часто попирает и этот принцип, например, отрицая законы, существовавшие на момент деяния (суд над Э.Хонеккером, М.Вольфом и иными руководителями ГДР за их деяния в ГДР по законам ФРГ, аннексировавшей ГДР позже, русофобские действия стран Запада без суда и следствия в 2022 г.).

В России Свобода всегда – это другое, это **воля**, дистанцирование от государства (так понимали россияне свободу веками: от казаков и сибиряков до побегов из плена в 1-ю и 2-ю мировые войны – россиян среди бежавших было больше, чем любых иных вместе взятых). В частности, представляется неслучайным следующий ряд фактов, ставших уже «ритуализированной традицией» для интеллигенции Татарстана. Как известно, во время ведомых СССР войн советские пленные часто бежали из неволи. Однако только представители Татарстана делали это с использованием самолетов, ими же ведомых. Техническая интеллигенция в лице командиров воздушных кораблей осуществляла побеги из плена и в годы Отечественной войны (М. Девятаев в феврале 1945 г.), и в наше время (побег В. Шарпатова, Г. Хайруллина и др. от талибов из Кандагара в августе 1996 г. Все слухи о подстроенности бегства необоснованы в силу захвата татарстанцами при побеге трех вооруженных охранников). И хотя Родина часто неадекватно оценивает подвиги этих патриотов, можно сказать, что групповая смелость, взаимовыручка и героизм здесь сочетаются со смекалкой, находчивостью, эвристичностью интеллекта, что во многом объясняется специфическими условиями развития интеллигенции в республике – иначе трудно объяснить неизвестность таких прорывных акций летчиков из иных регионов.

Свобода для народов СССР – это еще и **помощь освобождению от угнетения**, *от колониализма более чем 100 стран* (большинства существующих). Поэтому Н.А.Островский в «Как закалялась сталь» и предложил всемирно известную формулу: «*Самое дорогое у человека – это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое, чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому главному в мире – **борьбе за освобождение человечества**. И надо спешить жить. Ведь нелепая болезнь или какая-либо трагическая случайность могут прервать ее*».

Ю.Семенов также выделял антиэксплуататорскую суть Свободы в «Бриллиантах для диктатуры пролетариата»: «*Граждане, начиная с времен Древнего Рима, когда вождь рабов Спартак повел своих единомышленников против рабовладельцев надменной столицы, человечество мечтало о свободе. Из-за этой великой мечты шли на гибель крестьяне Германии, ведомые Лютером. Сложил свою голову мужицкий царь Емелька Пугач… Гнил на каторге Радищев… Сражались герои Северо-Американских Штатов… Потрясал основы феодального мира неистовый Робеспьер… Гибли под царскими пулями декабристы; с гордо поднятой головой ждали казни Софья Перовская, Кибальчич и Александр Ульянов… Эту мечту человечества сделал наукой бородатый Маркс и одинокий, влюбленный в море Энгельс… Мир обывателей, уставший от нищеты мысли и тупости бытия, затаившись, трусливо ждал перемен. Кто-то всегда выходит первым и принимает на себя великое и страшное бремя ответственности: это в равной мере относится к народу, государству, к личности. И вот пришел Ленин. Вместо упования на мессию, который принесет свободу, Ленин сделал практикой жизни слова гимна: „Никто не даст нам избавленья: ни бог, ни царь и не герой!“ Ленин взорвал спячку века. Как только новое общество начнет успокаиваться, ждать новых благ от кого-то, ему следует вспомнить Ленина: все в ваших руках ныне, вы за все в ответе! Мы сделали главное: дали вам великое право отличать людей не по цензу богатства, не по цвету кожи, но по тому, **как человек относится к свободе**!*». Так что говорить, что СССР был против свободы в принципе, – глубоко неверно.

Этот принцип **свободы (негативные права)** делится на три группы:

а) *личные свободы* – это самые главные, экзистенциальные, естественные права – прежде всего право на жизнь (право на неприкосновенность личности, жилища, тайны переписки и т.д.); в России нет такого произвола со стороны полиции, как в западных странах; также в России (в отличие от США) приостановлено применение смертной казни, в США при населении в 5% мирового содержится 25% заключенных мира. В США проводятся «недели порабощенных народов» (про народы СССР и России (включая «народы» казаков, Идель-Урала), а не про индейцев или негров, не про Ирак, Афганистан, Югославию, Ливию, уничтоженные США). Исторической памяти у западного населения мало, потому даже феминистки не вспоминают, что в 19-20 вв. на Западе продавали жен. Однако как в США, так и в РФ личные свободы сужаются. Сюда же относится вышеуказанная **воля**;

б) *экономические права* (на Западе была *свобода от государства* (свобода предпринимательства и собственности, нарушаемая ныне Западом посредством конфискации собственности российских предпринимателей) и элементы *свободы от диктатуры олигархии* (свобода профсоюзов, стачек, попытки борьбы с монополизацией экономики), в СССР не было этого, но была важнейшая *свобода от диктата богатых* (**свобода от эксплуатации**); сейчас в РФ есть полная свобода предпринимательства, однако это привело лишь к диктатуре олигархии;

в) *политические права*. На Западе большое число партий и относительная свобода выборов, в РФ – гораздо бОльшая свобода СМИ. Но в США народ избирает лишь выборщиков, затем выборщики голосуют за президента. Это искажает выбор народа: в 2000 г. большинство народа проголосовало за А.Гора, а президентом стал Дж.Буш, в 2016 г. большинство голосовало за Х.Клинтон, а избран Д.Трамп. При этом «работают» политические элиты целыми семьями (Бушей, Клинтонов), за которыми стоят команды из coat-tails, клиентелы и клаки. Так что сменяемость фигур отнюдь не повышает уровень свободы выбора.

Традиционные либералы (а ныне – неоконсерваторы) обычно ограничиваются лишь этими индивидуальными правами. Однако, после «победы» Запада над СССР данные права начали выветриваться у «победителей». Напомним, что к группе индивидуальных прав относится триада Дж.Локка (права на жизнь, свободу и собственность), которую повторила Французская Декларация прав человека и гражданина 1789 г. де Монтескье, несмотря на то, что Т.Джефферсон пытался исправить ее проект на американский лад (права на жизнь, свободу и стремление к счастью).

В настоящих условиях не только во внешней политике Запад игнорирует эти права, в своих агрессиях убивая все больше людей и организуя по всему миру тайные тюрьмы с пытками и биолаборатории, но и во внутренних делах. Так, cancel-culture в отношении русских становится не только результатом попустительства властей Запада (в чем проявляется «украинизация» таких стран), но и господствующим трендом самой политики стран НАТО. Контролируемые США соцсети открыто призывают убивать русских, руководители ряда стран прямо угрожают наказать русских. Всех, предупреждающих об опасности такой этнорасистской линии для демократии, также подвергают «культуре отмены», лишают профессии; их магазины и дома подвергаются погромам, самих «диссидентов» даже сажают (Латвия), лишают работы, любое насилие со стороны укронацистов (даже пытки и бомбежки мирных городов с десятками жертв) приветствуется. Запад игнорирует арест оппонентов и запрет оппозиционных партий и телеканалов на Украине, массовые пытки и убийства оппонентов. Дело в том, что из всех индивидуальных прав базовыми являются жизнь и свобода, без которых не может быть права ни на собственность, ни на стремление к счастью. Все это говорит, что единственная область, по которой Запад долгое время был впереди иных цивилизаций на пути к демократии («негативные» права), быстро и беспрепятственно элиминируется.

2) ***Коллективные права, «позитивные»,*** или собственно права, права XX-XXI вв., когда мы обращаемся к государству, просим государство реализовывать наши права (пособия, пенсии, стипендии, строительство и содержание школ, больниц, детских садов, бесплатные и полуплатные блага и т.д.). Коллективные права делятся также на три группы:

а) *социальные* (на доступную каждому медпомощь, на жилье, на труд и отдых, на социальное обеспечение, на доступные цены на товары и услуги первой необходимости; в частности, услуги и товары для детей в СССР стоили дешевле себестоимости, так что СССР всегда был на первом месте по реализации социальных прав, ибо перераспределялся национальный доход прежде всего в пользу социально-слабых слоев. В РФ социальные права сужаются, пенсионный возраст повышается, шкалы налогов стали носить не прогрессивный, а плоский или регрессивный характер. Запад же пошел по пути СССР, но, конечно, полностью внедрить принятые в Советском Союзе права он был не в состоянии – мешает капитализм);

б) *экологические* (страны СЭВ (СССР и другие соцстраны без Китая) производили 33% мировой промышленной продукции и 15% загрязнений окружающей среды, а США давали 24% промышленной продукции и 50% загрязнений;

с тех пор экологическая риторика достигла абсурда, но не привела к радикальным изменениям в загрязнении почвы, воздуха и воды);

в) *культурные* (книга в СССР стоила намного дешевле бутылки водки; образование было бесплатным и качественным, В эту группу входит также доступность пользования и занятия наукой, искусством, религией, изучением и развитием этнических языков. В последнее время «культура отмены» на Западе открыто превратилась в отмену культуры именно и только России, что говорит о цивилизационном расизме Запада и об отмене культуры в целом).

В СССР эти коллективные права были более реализованы не только в силу *марксистской* идеологии, как говорят коммунисты, но и вследствие присущего *российской цивилизации коллективизма*, диктуемого климатическими условиями и историей. Так консервативная ценность коллективизма свободно сочетается с самой передовой ценностью коллективных, «позитивных» прав человека, что недостаточно проработано в науке.

В то же время в СССР существовали серьезные материальные гарантии обеспечения прав человека, а на Западе – напротив, их юридические гарантии. После развала СССР многие коллективные права начинают игнорироваться и социал-демократами, и социал-либералами Запада в силу уверенности последнего в незыблемости устоев «либерализма», т.к. его господство в СМИиК прочно сделало культуру господствующего класса господствующей культурой.

Таким образом, предложенные показатели и индикаторы демократии в рамках аксиологических критериев последней позволяют определить степень приближения конкретных социальных практик к матрице «идеального типа» демократии. В то же время в большинстве стран нет достаточной степени Свободы (прав) и Социального Равенства, что не мешает большинству политологов убеждать всех в «демократическом» характере режимов Запада.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Беляев В.А. Социальные основы политического режима // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2021. – №1. – С. 4–11.

2. Беляев В.А., Ахметшина А.А., Сибаева Г.Р. Институциональные ценности демократии vs феминаци, social justice warriors, BLM и «поколения снежинок» // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2022. – № 3. – С. 12–18.

3. Алмонд Г.А., Верба С. Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах. – М.: Социум, 2020. – 502 с.

4. Ролз Д. Теория справедливости // под ред. В.В. Целищева. – Новосибирск. Изд-во НГУ, 1995. – 536 с.

5. Шумпетер Й.А. Капитализм, Социализм и Демократия: пер. с англ. / предисл. и общ.ред. В.С. Автономова. – М.: Экономика, 1995. – 540 с.

6. Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

7. Мараховский В. «Почему от вируса не погибло больше русских?»: ответ найден – РИА Новости, 14.05.2020. – URL: https://ria.ru /20200514/ 1571437329.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com. Доступ своб. Дата обращения 20.04.2022

8. Социология. Общая теория / под ред. Т.Г.Исламшиной и О.А.Максимовой. – Казань: Изд-во КГТУ, 2014. – 420 с.

9. Definition of Social justice warrior. Oxford Dictionary // Lexico.com. Oxford University Press. – Доступ своб. Дата обращ. 20.04.2022.

10. Adrienne L.Massanari, Shira Chess. Attack of the 50-foot social justice warrior: the discursive construction of SJW memes as the monstrous feminine// Feminist Media Studies. – 2018. – Vol.18, iss.4. – P. 525–542.

11. Sean Phelan. Neoliberalism, the Far Right, and the Disparaging of "Social Justice Warriors// Communication, Culture and Critique. 2019. – Vol.12, iss.4. – P. 455–475.

12. Гоббс Т. Сочинения. В 2 тт. – Том 1. – М.: Мысль, 1989. – 622 с.

13. Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Он же. Полн.собр.соч. в 30 тт. – М.: Наука, 1972–1984 гг. – Т. 5. – С. 78.

Информация об авторах

Беляев Владимир Александрович, д. полит. н, профессор, заведующий кафедрой социологии, политологии и менеджмента, Казанский национальный исследовательский технический университет – КАИ им. А.Н. Туполева.

E-mail: vlad_belyaev@list.ru

Ахметшина Анна Алексеевна, к.с.н, доцент кафедры социологии, политологии и менеджмента, Казанский национальный исследовательский технический университет – КАИ им. А.Н. Туполева.

E-mail: anna.akhmetshina@ gmail.com

Сибаева Гульназ Рашитовна, к.э.н., доцент, кафедра информатики и информационно-управляющих систем, Казанский государственный энергетический университет.

E-mail: sibaeva.gr@kgeu.ru

Belyaev V.A., Akhmetshina A.A., Sibaeva G.R.

SOCIAL VALUES OF DEMOCRACY AND THEIR MEASURERS

Abstract. The article proposes such axiological criteria of a democratic regime as social (modernist) values. Within the framework of the four types of social equality, such indicators as indicators of the speed and scale of social mobility and the size of income gaps are identified. The interpretations of individual freedom as law-abiding (in the West) and as will (in Russia) are considered. The basic role of the rights to life and personal freedom for other rights is substantiated. The role of the decile coefficient as a measure of the level of social equality and the degree of implementation of democracy is quantified.

Keywords: Criteria and measurements of democracy, ontological equality, equality of opportunities, equality of conditions, equality of results, decile coefficient, freedom as law-abiding and as a will, a share of social spending.

Literature

1. Belyaev V.A. Social basics of the political regime // Kazan Social and Humanitarian Bulletin. – 2021. – №1. – P. 4–11.

2. Belyaev V.A., Akhmetshina A.A., Sibaeva G.R. Institutional values of democracy vs feminazi, social justice warriors, BLM and "snowflake generations" // Kazan Social and Humanitarian Bulletin. – 2022. – №3. – P. 12–18.

3. Almond G.A., Verba S. The Civil culture. Political Attitudes and Democracy In Five Nations. – Moscow: Socium, 2020. – 502 p.

4. Rawls D. Theory of justice // Edited by V.V. Tselishchev. – Novosibirsk. NSU Publishing House, 1995. – 536 p.

5. Schumpeter J.A. Capitalism, Socialism and Democracy. – Moscow: Ekonomika, 1995. – 540 p.

6. Weber M. Selected works. – Moscow: Progress, 1990. – 808 p.

7. Marakhovsky V. "Why didn't more Russians die from the virus?": the answer has been found – RIA Novosti – 14.05.2020. – URL: https://ria.ru /20200514/ 1571437329.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com. (date of treatment – 20.04.22).

8. Sociologiya. Obshhaya teoriya: uchebnoe posobie / pod red.T.G. Islamshinoy, O.A. Maksimovoy. – Kazan: Izd-vo Kazan. gos. tekhn. un-ta, 2014. – 420 s.

9. Definition of Social justice warrior. Oxford Dictionary // Lexico.com. Oxford University Press. – (date of treatment 20.04.2022).

10. Adrienne L.Massanari, Shira Chess. Attack of the 50-foot social justice warrior: the discursive construction of SJW memes as the monstrous feminine// Feminist Media Studies. – 2018. – Vol.18, iss. 4. –P. 525–542.

11. Sean Phelan. Neoliberalism, the Far Right, and the Disparaging of "Social Justice Warriors// Communication, Culture and Critique. – 2019. – Vol.12, iss. 4. – P. 455–475.

12. Hobbes T. Essays. In 2 tt . – Volume 1. – Moscow: Mysl, 1989. – 622 p.

13. Dostoevsky F.M. Winter notes on summer impressions // On. Full collection of soch. in 30 t. – M.: Nauka, 1972–1984. – Vol. 5. – P. 78.

Authors

Belyaev Vladimir Aleksandrovich, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Political Science and Management, Kazan National Research Technical University – KAI named after A.N. Tupolev.

E-mail: vlad_belyaev@list.ru

Akhmetshina Anna Alekseevna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Sociology, Political Science and Management, Kazan National Research Technical University – KAI named after A.N.Tupolev.

E-mail: anna.akhmetshina@ gmail.com

Sibaeva Gulnaz Rashitovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Kazan State Power Engineering University.

E-mail: sibaeva.gr@kgeu.ru

Беляев В.А., Сибаева Г.Р., Малышева Е.В.

FRATERNITÉ КАК ОДИН ИЗ КРИТЕРИЕВ ДЕМОКРАТИИ VS CANCEL-CULTURE

DOI: 10.26907/2079-5912.2022.3.26-33

Аннотация. В статье ценность «Fraternité» в качестве критерия демократии рассматривается как социальная справедливость и как интернационализм. В ряду показателей внутренней социальной справедливости вводятся индексы доли социальных расходов в отдельных странах. Наряду с этим рассматриваются и иные виды внутренней и внешней социальной справедливости, ее деятельностный и персоналистский компоненты, соотношение справедливости и законности, включая международное право. Обоснована несовместимость демократии с диктатурой cancel-culture. Последняя трактуется как симбиоз культур стыда, вины и страха.

Ключевые слова: Fraternité как социальная справедливость и как интернационализм, справедливость как адекватное воздаяние за деяния и как социальное обеспечение, индекс доли социальных расходов как измеритель социальной справедливости, Cancel-culture.

В предыдущих статьях [1–3] авторы рассмотрели традиционные ценности, по-прежнему имманентно входящие в структуру демократии, а также такие аксиологические основы демократии эпохи Модерна, как Свобода и Равенство (Liberté et Égalité). Однако было бы неполным анализом социальных основ демократии, если не исследовать третью часть ценностной триады этого периода истории.

Третьей ценностью эпох Просвещения и Модерна является Братство (Fraternité), включающее внутри стран социальную справедливость, а в отношениях между народами – солидарность, интернационализм (но не глобализм). Как пишет А. Шитов, «*предельно кратко и упрощенно разницу можно свести к тому противопоставлению «закона» и «благодати», которое у нас известно со времен крещения Руси. Американцы – гордые наследники духовной традиции преклонения перед буквой закона, которой они подчиняют даже боготворимую ими свободу. Русским же людям еще митрополит Киевский Иларион в XI веке завещал следовать не букве, а духу – благодати и истине. Поэтому у нас в России и по сей день главные критерии* ***в спорах о справедливости*** *– «честно или нечестно», «по совести или не по совести». Вот и возмущенная реакция на слова Трампа о Победе, по сути, сводится к тому, что так говорить «нечестно». А у американцев, во всяком случае англоязычных, вообще нет такого слова – «совесть». Их conscience куда ближе к уму, чем к сердцу, сродни «сознанию», но никак не «состраданию» и тем более не «стыду». Есть scruples («уколы совести»), но и это отдает скорее скрупулезностью, да и слово это почти вышло из употребления. «Бессовестность» обычно переводится на английский, как «бесчестность». Для русского уха это все-таки не одно и то же. У американцев критерий справедливости, по существу, один – «законно или незаконно». Все, что прямо не запрещено, считается разрешенным. Морализировать предоставлено проповедникам, в реальной жизни отношения – от деловых до супружеских – оформляются юридически. Основа честности не столько мораль, сколько расчет на то, что быть честным в конечном счете выгодно. Политика вообще считается грязным делом, в котором чести и совести по определению нет места. А реальные критерии – целесообразность, эффективность, та же выгода. Стыдить бессмысленно*» [4].

Несмотря на то, что справедливость трудно определить, квантифицировать и верифицировать, немногие правительства полностью отказывались когда-либо от обращения к справедливости (в особенности как к честности (fairness)), поскольку справедливость – неотъемлемая черта легитимности.

При общем согласии с базовой системой ценностей, даже с одинаковым их набором возможны разные их трактовки и ранжирование. Иерархия даже современных ценностей возможна разная. На Западе народ приучили

выделять Свободу (причем личную), там многие твердят: «Мы – свободные люди». В России народная традиция больше исходит из Справедливости, люди говорят: «Мы – справедливый народ».

Трактовка справедливости тоже возможна разная. Так, в целом ***справедливость – это принцип «равным за равное».*** Конечно, справедливость связана с идеей равенства, особенно с требованием относиться равным образом к равным. Но возникают вопросы, что есть «равное отношение» и в каком плане «люди равные», т.е. справедливость должна включать как отношения интерперсональные и между индивидом и государством (учет последним адекватного воздаяния за любые деяния), так и признание равноценности каждого человека (иначе равное воздаяние инвалида и здорового породит новое неравенство в виде угрозы достоинству, здоровью и даже жизни инвалида или ущемление здоровых людей). Поэтому, начиная с Аристотеля, различаются: 1) *распределительная* справедливость, связанная с вопросами субъекта и объекта распределяемых благ, и 2) *исправительная* (или преобразующая) справедливость, затрагивающая персональные и социальные интеракции (прежде всего в правовых вопросах. Поэтому неслучайно по-английски справедливость – это justice, что отсылает нас к юстиции).

Далее, вопрос встает и о том, кого считать равным и в какой степени возможно равное воздаяние за деяние. В рамках исправительной справедливости есть проблема обоснования справедливости наказания. Античный принцип lex talionis («око за око») выражал тогдашнюю трактовку идеи справедливости.

В дальнейшем Иисус развил подход к справедливости. Эквивалент («равным за равное») он понимал в целом в рамках античного «золотого правила» справедливости, только более ригористично. Если в Ветхом Завете это правило гласило: «Не делай другим того, чего не хочешь, чтобы делали тебе» [5] (что сходно с «мистицизмом» восточных религий, принципом недеяния), – то Иисус сформулировал его активистски: «Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки». «И что ты смотришь на сучёк в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь?... Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучёк из глаза брата твоего»[6]. Это принцип, основанный на рефлексии и аскетизме (по Веберу, требовании серьезных личных усилий), будет, как и большинство заповедей Иисуса, забыт христианством и возрожден лишь – частично – протестантизмом и И. Кантом.

Эквивалент означал адекватное **воздаяние за деяния и** в *экономике,* и в *праве*: 1) в обмене товарами, благами, услугами: «какою мерою мерите, такою отмерено будет вам и прибавлено будет вам слушающим»; «По плодам их узнаете их»[6]; 2) в воздаянии за зло: «Не судите, да не судимы будете; ибо каким судом судите, таким будете судимы»; «в равное возмездие, – говорю, как детям, – распространитесь и вы»[6]. Этот принцип обосновывал идеи наличия естественных прав, равноправия людей, свободы воли и личной ответственности за свои деяния.

Отношение к труду Иисус также радикально изменил в пользу справедливости. Негативизм привилегированных слоев в отношении собственноручного труда как Божьего наказания за первородный грех был замещен сакральным принципом обязательности труда как формы служения Богу («Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь»[6]) и осуждения паразитизма, угнетения и эксплуатации. Тем самым была совершена подлинная революция в области трудовой этики, принятая частью Европы лишь во время Реформации XVI в. и утрачиваемая ныне.

С этим же связано одобрение Иисусом только трудового способа распределения: «Ибо трудящийся достоин пропитания»; «Но каждый получает свою награду по своему труду», «трудящийся достоин награды за труды свои»[6]. Выступая за распределение по труду, Иисус признавал правомерность и справедливого перераспределения в пользу социально-униженных слоев. Признание необходимости такого перераспределения логично вело к отрицанию тщеславия и высокомерия: «Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою… У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая»[6].

Осуждение богатства и крупной частной собственности тоже вызвано стремлением к справедливости, отрицанием эксплуатации и угнетения. Христос отвергал *лишь нетрудовые* доходы, т.е. обман, насилие, криминал, ростовщичество и наследование как способы обогащения: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкопывают и крадут... Никто не может служить двум господам... Не можете служить Богу и маммоне»; «Если хочешь быть совершенным, пойди продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною... И еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие»; «смотрите, берегитесь любостяжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имения»; «Блаженны нищие духом, ибо ваше есть Царствие Божие. Блаженны алчущие ныне, ибо насытитесь. Блаженны плачущие ныне, ибо воссмеетесь… Напротив горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое утешение. Горе вам, пресыщенные ныне! ибо взалчете. Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете» [6].

Однако Христос не отрицал *трудовое обогащение*: «Я знал тебя, что ты человек жестокий, жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал… Всякому имеющему

дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет»[6]. Тот же смысл имеет притча Иисуса о зарытом в землю таланте. Тем самым он развил принцип справедливости.

Позднейшие интерпретации принципа lex talionis не только оставили лишь государству функцию кары, включая такие принципы, как неотвратимость, соразмерность и своевременность наказания, но и охватывают идеи исправления и реабилитации. Однако нарушением принципа адекватности наказания являются приговоры А. Брейвику, убившему в 2011 г. 77 детей (21 год тюрьмы), и режиссеру Х. Вайнштейну (23 года заключения за давние случаи харрасмента в 2017 г.).

Народ России всегда боролся за справедливость: еще в 12 в. в «Слове о полку Игореве» говорится о справедливости, равенстве и братстве. В Русской Правде, Правде Ярославичей, Поучении Владимира Мономаха (11–12 вв.) и Молении Даниила Заточника (13 в.) начинают формулироваться сходные идеи и регулируются исходящие из этого нормы. В 15-16 вв. нестяжатели боролись за равенство и справедливость. В это же время Иван Пересветов в «Сказании о царе Константине», Матвей Башкин и Феодосий Косой в своих учениях выступали против рабства и закабаления, т.е. за свободу всех людей. В самой крестьянской общине были заложены тренды *трудового распределения* и *возмещающего перераспределения*: при социальном бедствии в семье за нее осуществляли выплаты, помогали. Эта **круговая порука** имела и *социально обеспечивающий* характер: если в многодетной семье заболел кормилец, то община скидывалась помочь. Это не свобода, конечно, но при нашем климате, почве и геополитическом окружении и в условиях сосредоточения основной ценности на тогдашнем селе – земли – в руках духовенства, помещиков и царской семьи главной является не свобода, а взаимопомощь, возмещающая справедливость.

История России была богата войнами крестьян и казаков, боровшихся против крепостного права за социальное равенство и справедливость, выступали за свободу и против внеэкономического принуждения декабристы (Пестель, Рылеев, С. Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин, Каховский), революционные демократы (Белинский, Добролюбов, Чернышевский, Огарев, Герцен, Тукай), народники и марксисты.

В условиях постмодерна звучат попытки совмещения либерализма и ценностей справедливости. Такова, например, индивидуалистическая теория распределительной справедливости, предложенная Дж. Ролсом (США), обосновывающим неразрывность справедливости и равенства. Ролс дает такое определение: «Все социальные ценности – свобода и возможность, доход и богатство, основания чувства собственного достоинства – должны распределяться поровну, за исключением тех случаев, когда неравное распределение какой-либо из этих ценностей или всех осуществляется ко всеобщей выгоде». Он приводит два примера. ««Ко всеобщей выгоде» было бы законодательство, запрещающее владение огнестрельным оружием; вместо этого в обществе существует неравное распределение огнестрельного оружия в пользу полицейских сил для поддержания равной для всех безопасности жизни». Второй пример: ««ко всеобщей выгоде» было бы запрещение вождения мотоцикла молодым людям, не достигшим определенного возраста. В обоих примерах между личной свободой и социальной справедливостью существует напряжение» [7]. Стремится соединить справедливость с еще большей свободой Р. Нозик, по мнению которого нет свободы без частной собственности, прав человека и самоопределения. Но минимизация роли государства, когда оно не мешает личной свободе, и делает его справедливым [8]. Тем самым одни авторы согласуют социальную справедливость с равенством, а другие – со свободой.

Обобщая, скажем, что **социальная справедливость** *(принцип равным за равное)* – такая ценность, при которой существуют два компонента (не полностью относящиеся к одним и тем же людям):

Первый компонент справедливости – когда равными считаются деяния (а не сами люди). При этом, назовем его *деятельностным*, подходе справедливость – это *адекватное воздаяние за деяние (в труде, в преступлениях)*. На Западе и в СССР распределение благ было в целом соотнесено с количеством и качеством труда, за исключением западной олигархии и, частично, советской номенклатуры (и элементами радикального эгалитаризма в обеих системах). Это золотое правило справедливости, которое разработал еще Иисус: «Каждому воздастся по делам его». Принципами адекватности являются соразмерность, неотвратимость (обязательность) и своевременность (оперативность) воздаяния за деяния. В то же время в современной России производительность труда в целом вдвое ниже западной, а размер оплаты труда – на порядок меньше (хотя цены не настолько различны); это явное нарушение адекватности.

Второй компонент, обозначим его как *персоналистский*,- когда равными признаются *именно люди* вне зависимости от того, способны ли они трудиться. В этом плане справедливость – добавление недостающего *до достойного человеку* уровня и качества жизни, возмещение андерклассу и иным видам социально слабых страт, т.е. *социальное обеспечение тех, кто не способен трудиться*. В СССР социальное обеспечение было намного более развито, чем на Западе, даже когда у последнего заработали практики социального государства и welfare state. Всегда работала половина населения: в СССР жило 280 млн. чел. (а ра-

ботало 140); в России – 146 млн. (а работают св. 70 млн.). Вторая половина населения (дети, пожилые, больные, матери, ухаживающие за детьми) – это тоже люди, имеющие все права, включая право на определенное благосостояние. В РФ сохраняются отдельные элементы такого социального государства (бесплатная медицина и т.д.), утрачиваются другие (повышен пенсионный возраст, минимальная зарплата лишь недавно стала не меньше ОПМ и др.). В целом, СССР был на первом месте в мире по доле социальных расходов. В этом плане страны Запада делятся на три категории: 1) это страны, где социал-демократы всегда или почти всегда у власти, т.е. ФРГ, Австрия, Швейцария и Скандинавия доля социальных расходов выше, чем в иных странах Запада; 2) страны, где социал-демократы часто у власти (Франция, Англия, Испания), тут эта доля пониже; 3) страны, где не бывает социал-демократов у власти и потому ниже всего доля социальных расходов (США и Япония). Россия среди развитых стран теперь не на первых местах (см. табл. 1).

Братство имеет и ***внешнеполитический*** характер. В этом случае оно называется солидарностью, **интернационализмом** – это невмешательство, равноправие и взаимопомощь разных этносов, стран, рас и цивилизаций. Тем самым это признание равных прав и интересов государств, независимо от их размеров, экономики, обороны и пр., т.е. имплементация второго компонента Справедливости. Различие между Западом и Россией и тут определяется разницей в их географии и истории.

1) ***Признательность*** и благодарность свойственны российской цивилизации, россияне благодарны Англии и США за ленд-лиз и второй фронт; а на Западе такого нет, «западники» не признательны России за недопущение монгольского ига в Европу, за освобождение ее от Наполеона, Гитлера и пр., вплоть до денацификации Украины (и даже не признают этого).

2) Нравственные различия, в России реализуется не только равноправие народов, их равенство, выравнивание, но и высокая ***восприимчивость*** культуры. У нас есть камчадалы (помесь айнов и казаков-первопроходцев), живут на Камчатке, Курилах, а на Хоккайдо японцы с айнами не смешиваются, айны остаются де-факто рабами, не имеют даже права на гражданства, а в России все перемешались, переженились друг с другом. В США нет смешанной расы индейцев с англосаксами. Политика Черчилля привела к такому голодомору в Бенгалии, что со сталинскими репрессиями сравнивать некорректно, на Западе к другим народам (в частности, к азиатам) и ныне относятся очень высокомерно. Министр иностранных дел Англии маркиз Дж.Керзон с досадой писал: «Русский братается в полном смысле слова. Он не уклоняется от социального и семейного общения с чуждыми и низшими расами» [13]. Каждый грамотный россиянин воспринимает любого талантливого западного творца как своего, с удовольствием читая западные романы, смотря западные картины и т.д. Оценка чужой культуры показывает *высокомерие Запада*: всех осуждают, и Достоевского, и Чехова, и Грибоедова (о чем говорит запрет на их постановки в 2022 г.) и т.д. Тем самым на Западе глобализация превращается в вестернизацию, которая является синонимом американизации, основанной на цивилизационном расизме, вере в гегемонию англосаксонских стран: «золотой миллиард» должен господствовать над остальными шестью миллиардами.

3) Именно стремлением к *возмещающей справедливости* вызваны *последние действия России* на мировой арене с целью восстановления суверенитета всех государств, возрождения их шансов для защиты своих интересов. Парадоксально, что под флагом справедливости Запад часто проводит обратные процессы неоколонизации (кровавые перевороты, уничтожение целых государств), а внутри своих стран и в отношении России реализует **культуру отмены**, в частности, демонизации нашей страны. Эта *cancel-culture* является одним из способов осуществления социального контроля в обществе. Таких способов несколько; это культуры, основанные на различиях в *субъекте* социального контроля: а) культуру страха, при которой поведение человека контролируется государством; б) культуру стыда, в которой девиации пресекаются обществом; в) культуру вины (или совести), основанную на внутреннем самоконтроле самого индивида; г) их симбиоз в виде культуры отмены. Поясним это.

Таблица 1

Социальные расходы (без социального страхования) в % к ВВП [9–12]

№	1980	1990	1999	2005	2015	2020
1	Россия 26,0	Франция 26,4	Франция 28,2	Швеция 34,2	Франция 34,8	Франция 31,1
2	Швеция 23,2	Швеция 24,0	Швеция 28,1	ФРГ 25,7	Италия 33,1	Италия 27,6
3	Франция 23,2	ФРГ 22,8	Италия 22,7	Франция 25,6	Англия 29,8	Россия 26,5
4	ФРГ 20,5	Италия 22,3	ФРГ 22,0	Англия 20,4	ФРГ 27,7	Швеция 26,0
5	Италия 18,4	Россия 17,0	Япония 17,6	Италия 18,4	США 24,6	Германия25,4
6	Англия 13,9	Англия 15,0	А нглия 16,8	Россия 16,1	Россия 22,4	Япония 22,3
7	Япония 12,0	Япония 12,9	США 13,9	США 14,2	Япония 21,8	Англия 20,5
8	США 11,9	США 12,4	Россия 12,7	Япония -…	Швеция -…	США 18,2

В культурах *вины* (guilt-cultures) социальный контроль действует через внутренние санкции (совесть), а в культурах *стыда* (shame-cultures) – через общественные угрозы их личной репутации и чести и статусу и престижу их семьи и иных родственников. Поэтому отклонение от коллективных норм влечет за собой строгие семейные санкции. Стыд как механизм социального контроля может действовать только в первичных группах, где преобладают полная социальная транспарентность и взаимодействие «лицом к лицу». Тем самым эта культура характеризует скорее сельский, нежели городской образ жизни. Добавим, что культура стыда, в отличие от культуры вины, основана на весьма жестких санкциях. Так, в русской общине первое нарушение принятых норм сразу же становилось известным главе большой семьи и заканчивалось «уроком» – поркой нарушителя, независимо от социального статуса последнего. Повторное нарушение оборачивалось остракизмом девианта. Третье вело к изгнанию «неисправимого» из общины, вследствие чего изгой терял какой-либо социальный статус (собственность, престиж), а часто и жизнь в результате суицида, ибо ни в какую иную общину его брать не могли.

Представляется необходимым также выделить *культуру страха* в противовес культурам стыда и вины. Общественное сознание, завороженное страхом за свою жизнь, безопасность, свободу и собственность, очевидно, более нездорово, чем иные. Можно назвать два важнейших фактора развития культуры страха:

1) Культура страха формируется деспотическим или тоталитарным государством, где сдерживающим фактором девиации и диссидентства является страх перед санкциями государства. Поэтому, как правило, в тоталитарном государстве резко падает уровень организованной преступности и преступлений против государства (краж государственной собственности, убийств должностных лиц, беловоротничковой преступности и др.). Тем самым произвол криминального государства подавляет незаконное насилие частных лиц, как и иную частную инициативу. Неслучайно мафия при Муссолини ушла в тень, а затем помогала американцам в уничтожении фашистского режима.

2) Другим фактором развития культуры страха становится противоположный процесс чрезмерного ослабления силы государства – в период разрухи, гражданских войн, многовластия, разрушения старых государственных форм, прямой криминализации последних, аномии сознания. В этих условиях растет страх перед поднимающим голову незаконным насилием отдельных лиц и шаек, не встречающим должного отпора со стороны государства. Для преодоления культуры страха необходимо подорвать значение названных факторов: демократия, основанная на достаточно сильной государственной власти, способной пресекать незаконное насилие частных лиц, коррупцию и криминализацию в своих рядах, является необходимым условием для перехода к культуре вины и стыда.

Модернизацией, симбиозом предыдущих культур стала **культура отмены** (*cancel-culture*) – возникшая в США и Европе форма социально-политического остракизма, при которой человек, группа страна подвергаются осуждению и тотальному бойкоту в интернете и реальной жизни. Онлайн-словарь *Dictionary.com* определяет ее как «прекращение поддержки («отмену») публичных фигур и компаний после того, как они сделали или сказали что-то, что считается возмутительным или оскорбительным» [14]. Последствия могут быть весьма драматическими. Неслучайно Д. Трамп сравнивает «культуру отмены» с «тоталитаризмом, политическим оружием, используемым для наказания и унижения несогласных, отнимая у них работу и заставляя подчиняться»[15]. Соединение всех названных культур в культуре отмены призваны сокрушить человека, группу, государство. Так, Зеленский поблагодарил компанию Meta за разрешение публиковать призывы к насилию в отношении россиян, в продолжение этого министр обороны Британии поддержал уже военные удары по территории РФ. Часть «нашего» шоу-бизнеса также предпочла «отменить» Россию, т.к. выбор между отменой совести и отменой культуры (слова критика А. Долина) неизбежно превращается в отмену совести.

Культура отмены является обоюдоострым оружием, служащим как для укрепления демократии, так и для ее деградации. Так, ущемление прав многих «биологических» меньшинств в пользу решения вопросов по большинству вызывает к жизни соответствующие формы протеста (радикальные формы феминизма и экологизма, ЛГБТ, BLM, «поколения снежинок», боди-позитива, веганства и пр.). Но достижение ими победы возможно лишь (1) при превращении этих групп интересов в группы давления и при их объединении в движение social justice warriors, численно превалирующее над прежним большинством (в США над WASP) и (2) при захвате ими СМИиК, соцсетей и включения ими процедуры *cancel-culture*. В этих условиях нетерпимость экс-меньшинств также нарушает принципы демократии и ведет к новой диктатуре.

В целом, после анализа социальной аксиологии демократии, отставив в сторону вопросы геополитики, можно поставить вопрос о коллизии между институциональными ценностями (особенно наиболее отошедшими от социальных – например, государственности) и сугубо социальными ценностями Модерна (к примеру, правами человека). Международное и государственное право не до конца выработало механизмы их совмещения, тем не менее заложило фундамент для последнего. В при-

нятых в международном праве определениях геноцида, агрессии, ирредентизма, сецессии, деколонизации и др. нельзя найти однозначной оценки тех или иных политических явлений. А из такой оценки вытекают и ответные действия: если одни акции признаются нарушением прав, гуманитарной катастрофой, то в ответ часто используются «гуманитарные интервенции», не признаваемые агрессией, т.е. в этом случае права людей ставятся выше государственности. К сожалению, оценка зачастую определяется политической конъюнктурой. Поэтому канцлеру Шольцу смешно, когда геноцидом назвали происходившую на Украине дискриминацию языка, религии, иных этнических прав и истории русских и даже их уничтожение. США договорились до объявления геноцидом военных действий России в 2022 г., хотя их союзники отвергают данную оценку. Одновременно студенты Хьюстона прерывают речь постпреда США в ООН, скандируя «Nikki Haley, you can`t hide! You`re enabling genocide!»[16].

В то же время можно выявить следующие базовые подходы к согласованной мировым сообществом оценке названных феноменов:

1. Действует принцип **социальной справедливости**, по которому *воздаяние должно быть адекватно деянию «провинившейся стороны».* Прежде всего справедливость касается базовых прав: на жизнь, равноправие. В отношении иностранцев это означает следующее: конечно, убийство одного американца может быть поводом для вторжения США, но в иных случаях считается, что лишь *массовая* гибель (даже лиц с двойным гражданством) может стать таким спусковым механизмом и основанием для ответного вторжения (Грузия, 2008 г.).

2. Что касается «своих» граждан, то мотивом и основанием войны/вторжения способна быть продолжительная комплексная дискриминация значительного сегмента населения, (см. определение геноцида), особенно родственного соседям, поэтому однозначно негативно оценивается именно геноцид, но не любое секторальное ущемление прав, тем более отдельных индивидов (в этом случае права выше государственности; Украина 2022 г.).

3. Дифференцирована оценка комбатантов, террористов и партизан, наемников и добровольцев, разных видов сецессии и ирредентизма.

4. Процедура деления страны должна быть легальна, верифицируема и демократична.

Поэтому *сепаратизм* как стремление к отсоединению от государства нельзя смешивать с национально-освободительным движением (см. список колоний ООН) или с любым стремлением частей страны выйти из нее. Например, Украина *незаконным* и *недемократическим* (в марте 1991 г. жители Украины проголосовали за сохранение СССР) способом была выведена из состава СССР, а Крым из состава Украины – законно и в ответ на националистический вооруженный переворот. По Закону СССР, выход союзной республики был возможен, если: а) установлен срок в 5 лет между 2 референдумами с прямым вопросом о выходе, б) решены все финансовые и ресурсные проблемы, в) разрешен территориальный вопрос (все автономии голосуют на референдумах отдельно и определяют свою судьбу сами), г) решена проблема разделенных народов (например, русского, осетинского). Поэтому в 2014 г. и не было аннексии Крыма Россией как отделения части страны с присоединением к другой без четко выраженной воли народа, ибо Крым в 1991 г. без референдума был выведен из состава СССР. И наоборот, ГДР была *аннексирована* ФРГ, ибо не был проведен референдум. *Сецессия* как выход из состава государства остается весьма распространенным феноменом: так, Бангладеш вышел из состава Пакистана; Эритрея – из Эфиопии; Южный Судан – из Судана; Косово – без референдума из Сербии (тем не менее признан частью Запада), Крым и Донбасс – путем референдума из состава Украины.

Справедливость (в частности, законность и демократичность) процедуры и была одним из главных мотивов поддержки народом России событий в Крыму в 2014 г. Наш репрезентативный опрос населения РТ (опрошено 1480 респондентов) в 2019 г. показал, тем не менее, наличие известной корреляции этнической и этногосударственной идентичности. «Русская весна» затронула и Татарстан, приведя к определенному ментальному реваншу русских, считавших себя в период индигенизации кадров в РТ ущемленной категорией. Важным маркером ирредентизма русских стало отношение к присоединению Крыма. К примеру, «Безусловно положительно» и «Скорее положительно, чем отрицательно» относятся к данному факту 44,6% и 34,2% респондентов, соответственно (50,4% и 29,6% русских, 39,2% и 38,5% татар, в той же последовательности). «Скорее отрицательно, чем положительно» и «Безусловно отрицательно» к этому процессу относятся, соответственно, 4,4% и 2,3%. Заметна прямо пропорциональная зависимость категорически положительных ответов с повышением возраста опрошенных: от 33,3% среди юных до 62,3% у пожилых. В целом, мы видим сохранение подъема русского этнического самосознания после «Русской весны» и, скорее всего, этот реверсивный процесс будет стабильным[17].

В сложных государствах этнонационализм и этногосударственность неизбежно, *справедливо* и одинаково легитимно ведут к цепной реакции сецессии, к продолжению фрагментации (когда отделение Хорватии, Словении, Боснии вынуждает к отделению сербских краин). Сопутствующий вопрос связан с *ирредентизмом,* воссоединением, стремлением к объединению в одном государстве всего

этноса, проживающего в смежных государствах. Он считается справедливым и законным, когда людей дискриминируют в соседних странах: таковы нынешняя юго-восточная Украина, населенная подвергающимися дискриминации и геноциду русскими, Южная Осетия, незаконно включенная в состав незаконно вышедшей из СССР Грузии в 1991 г., Нагорный Карабах, Саар, незаконно вышедшая из СРСиЧ часть Косово с дискриминируемыми властями сербами; сербские анклавы в Боснии-Герцеговине, Хорватии и др. И о *комбатантах*: хотя в последнее время это понятие расширилось, но сохранились различия между *террористами и партизанами* в их целях (у террористов – фобократия, у партизан – освобождение своего народа) и применяемых средствах (у первых – массовое убийство мирных жителей, у вторых – уничтожение армии врага, когда гибель мирных жителей является нежелательным сопутствующим фактором). Так проявляется принцип справедливости на мировой арене.

Подводя итог анализу социальных основ, критериев и измерителей демократии в серии статей [1-3], необходимо подтвердить, что таковыми являются как институциональные ценности, заявленные в эпоху Античности и разработанные в период Возрождения, так и ценности эпохи модерна, поддающиеся квантификации и верифицированию. Все эти ценности вступают в противоречие с господствующей трактовкой демократии (как и иных типов политических режимов), отождествляющей содержательную сторону демократии (режима) и ее формальную сторону (политическую систему), что не является строго научным. Аксиологический подход является более комплексным и, в то же время, дифференцированным и позволяет наложить на него как на матрицу, на «идеальный тип» основные виды политических режимов современности (19-21 вв.) с целью выявления степени приближения последних к компонентам подлинной демократии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Беляев В.А. Социальные основы политического режима // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2021. – №1. – С. 4–11.

2. Беляев В.А., Ахметшина А.А., Сибаева Г.Р. Институциональные ценности демократии vs феминаци, social justice warriors, BLM и «поколения снежинок» // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2022. – №3. – С. 12–18.

3. Беляев В.А., Ахметшина А.А., Сибаева Г.Р. Социальные ценности демократии и их измерители //Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2022. – №3 – С. 19–25.

4. Шитов А. Своя правда: как американцы представляют себе честность и справедливость. – URL: https://tass.ru/opinions/8451583. Доступ своб. Дата обращ. 27.04.2022.

5. Библия. Ветхий Завет. – URL: https://planeta.one/bible/v.htm. Доступ своб. Дата обращ. 18.05.2022.

6. Библия. Новый Завет. – URL: https://planeta.one/bible/n.htm. Доступ своб. Дата обращ. 18.05.2022.

7. Ролз Д. Теория справедливости. – Новосибирск. Изд-во НГУ, 1995. – 536 с.

8. Нозик, Р. Анархия, государство и утопия / Р. Нозик ; Роберт Нозик ; пер. с англ. [Б. Пинскера]. – Москва: ИРИСЭН, 2008.

9. These countries spend the most, and the least, on social benefits. – URL: https://www.weforum.org/agenda/2021/02/social-spending-highest-lowest-country-comparison-oecd-france-economics-politics-welfare. Доступ своб. Дата обращ. 27.04.2022.

10. Social Expenditure Database (SOCX). – URL: https://www.oecd.org/social/ expenditure.htm. Доступ своб. Дата обращ. 27.04.2022.

11. Расходы на социальную политику в России. – URL: https://tass.ru/ekonomika/5583117. Доступ своб. Дата обращ: 27.04.2022.

12. Social expenditure (SOCX). – URL: https://www.researchgate.net/publication/ 347999506_Social_Expenditure_SOCX_Update_2020. Доступ своб. Дата обращ: 27.04.2022.

13. Кожинов В.В. Россия как цивилизация и культура. – Москва: Институт русской цивилизации, 2012. – 1065 с.

14. What Does Cancel Culture Mean? – URL: https: Dictionary.com. (date of treatment – 27.04.22).

15. Dale D. A list of people and things Donald Trump tried to get canceled before he railed against 'cancel culture'. CNN. https://www.reddit.com/r/politics/comments/hn1x84/a_list_of_people_and_things_donald_trump_tried_to/ Дата обращ. 1.08.2020.

16. Кусьнеж А. Ты потакаешь геноциду. – URL: https://jpgazeta.ru/tyi-potakaesh-genotsidu-studentyi-hyustonskogo-universiteta-osvistali-nikki-heyli/ Дата обращ. 23.04.2022. Доступ своб.

17. Беляев В.А., Ахметшина А.А. Генерационная специфика языковой и этногосударственной политики в полиэтническом обществе // SocioTime. – 2019. – № 2(18). – С. 85–95.

Информация об авторах

Беляев Владимир Александрович, д.полит.н., профессор, заведующий кафедрой социологии, политологии и менеджмента, Казанский национальный исследовательский технический университет – КАИ им. А.Н. Туполева.

E-mail: vlad_belyaev@list.ru

Сибаева Гульназ Рашитовна, к.э.н., доцент, кафедра информатики и информационно-управляющих систем, Казанский государственный энергетический университет.

E-mail: sibaeva.gr@kgeu.ru

Малышева Елена Вячеславовна – к.с.н., доцент кафедры социологии, политологии и менеджмента, Казанский национальный исследовательский технический университет – КАИ им. А.Н. Туполева.

E-mail: helena8702@mail.ru

Belyaev V.A., Sibaeva G.R., Malysheva E.V.

FRATERNITÉ AS ONE OF THE CRITERIA OF DEMOCRACY VS CANCEL-CULTURE

Abstract. The article substantiates such axiological criteria of a democracy as value "Fraternité" including Social Justice and Internationalism. Between indicators of inner justice authors enter indexes of social expense's proportion in selected countries. In the article other kinds of internal and external social justice, the ratio of justice and legality, including international law, are considered. Authors justify incompatibility of democracy and cancel-culture` dictatorship. The latter is interpreted as symbiosis cultures of shame, guilty and fear.

Keywords: "Fraternité" as Social Justice and Internationalism, justice as an adequate retribution for deeds and as a social security, index of social expenses` proportion as a social justice` meter, Cancel-culture.

Literature

1. Belyaev V.A. Social Basics of the Political Regime // Kazan Social and Humanitarian Bulletin. – 2021. – №1. – P. 4–11.

2. Belyaev V.A., Akhmetshina A.A., Sibaeva G.R. Institutional Values of Democracy vs Feminazi, Social Justice Warriors, BLM and "Snowflake Generations"// Kazan Social and Humanitarian Bulletin. – 2022. – №3. – P. 12–18.

3. Belyaev V.A., Akhmetshina A.A., Sibaeva G.R. Social values of democracy and their measurers // Kazan Social and Humanitarian Bulletin. – 2022. – №3. – P.19–18.

4. Shitov A. His own truth: how do Americans imagine honesty and justice. – URL: https://tass.ru/opinions/8451583 (date of treatment – 27.04.22).

5. The Bible. The Old Testament. – URL: https://planeta.one/bible/v.htm. (date of treatment – 18.05.22).

6. The Bible. The New Testament. – URL: https://planeta.one/bible/n.htm. (date of treatment – 18.05.22).

7. Rawls D. Theory of justice / Edited by V.V. Tselishchev. Novosibirsk. NSU Publishing House, 1995. – 536 p.

8. Nozick R. Anarchy, state and utopia. Basic Books, Inc. A Member of The Perseus Books Group, 2008. – 424 p.

9. These countries spend the most, and the least, on social benefits. – URL: https://www.weforum.org/agenda/2021/02/social-spending-highest-lowest-country-comparison-oecd-france-economics-politics-welfare/ (date of treatment – 27.04.22)

10. Social Expenditure Database (SOCX). – URL: https://www.oecd.org/social/ expenditure.htm (date of treatment – 27.04.22).

11. Spending on social policy in Russia. – URL: https://tass.ru/ekonomika /5583117. (date of treatment – 27.04.22)

12. Social expenditure (SOCX). – URL:https://www.researchgate.net/publication/ 347999506_Social_Expenditure_SOCX_Update_2020. (date of treatment – 27.04.22)

13. Kozhinov V.V. Russia as a civilization and culture. – Moscow: Institute of Russian Civilization, 2012. – 1065 p.

14. What Does Cancel Culture Mean? – URL: https: Dictionary.com. (date of treatment – 27.04.22).

15. Dale D. A list of people and things Donald Trump tried to get canceled before he railed against 'cancel culture'. CNN. https://www.reddit.com/r/politics/comments/hn1x84/a_list_of_people_and_things_donald_trump_tried_to/ (date of treatment – 01.08.20).

16. Kusnezh A. You're enabling genocide. – URL: https://jpgazeta.ru/ (date of treatment – 27.04.22).

17. Belyaev V.A., Akhmetshina A.A. Generation specificity of language and ethnical state policy in a poliethnic society // SocioTime. – 2019. – № 2(18). – P. 85–95.

Authors

Belyaev Vladimir Aleksandrovich, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Political Science and Management, Kazan National Research Technical University – KAI named after A.N. Tupolev.

E-mail: vlad_belyaev@list.ru

Sibaeva Gulnaz Rashitovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Kazan State Power Engineering University.

E-mail: sibaeva.gr@kgeu.ru

Malysheva Elena Vyacheslavovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Sociology, Political Science and Management, Kazan National Research Technical University – KAI named after A.N.Tupolev.

E-mail: helena8702@mail.ru

Ляликова С.В.

ПРОБЛЕМЫ СЕМЕЙНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

DOI: 10.26907/2079-5912.2022.3.34-39

Аннотация. Актуальность изучения альтернативных форм обучения возросла на фоне критики, нацеленной на школьную систему образования, обострившейся в период пандемии. В статье на основе эмпирических данных показано, что хоумскулеры нередко сталкиваются с проблемами при переходе на семейную форму обучения, которые выражаются в непонимании и критике со стороны знакомых и родственников, а также в сомнениях родителей относительно своего профессионализма и возможности успешно совместить две социальные роли (родителя и учителя) в процессе обучения. Особое внимание уделено препятствиям, инициируемым школой, при переходе на семейное обучение. Показано, что представителей образовательных организаций заботят вопросы качества организации образовательного процесса в семье, связанные не только с квалификацией родителей, но и с широтой и глубиной знаний, представляющихся детям, а также отдельные аспекты социализации обучающихся в семье. Исследование показывает, что родители, возлагая на себя ответственность за обучение ребенка, обеспечивают необходимые условия для организации качественного образовательного процесса и отвечают на каждый сформулированный аргумент контраргументом, выраженном в эффективных поведенческих практиках по организации обучения в семье.

Ключевые слова: семейное образование, хоумскулинг, школа, семья.

Широкий спектр проблем в системе образования, обостренный пандемией [1], продемонстрировал неготовность школ обеспечить условия для реализации качественного образовательного процесса вне образовательной организации. Активная вовлеченность родителей в образовательный процесс актуализировала необходимость поиска новых образовательных возможностей и альтернативных подходов для обучения, снижающих нагрузку на ребенка и способствующих его индивидуальному развитию. Одним из таких вариантов оказалась возможность обучать ребенка в семье, сосредоточившись на внутрисемейном взаимодействии как основе эффективного образовательного процесса.

Семейное образование - это альтернативная форма получения общего образования вне образовательной организации (в семье), при которой ответственность за качество получаемого ребенком образования возложена на родителей (законных представителей), являющихся чаще всего основными организаторами образовательного процесса и учителями для своих детей. Возможность получения общего образования вне образовательной организации (в семье) в нашей стране была зафиксирована в законе «Об образовании» еще в 1992 году [2]. Хоумскулинг достаточно распространенное явление за рубежом. Особенно высока численность представителей данной формы обучения в США, причем во время пандемии их доля от общего числа обучающихся от 5 до 17 лет увеличилась до 8% [3]. В России отмечается аналогичная тенденция: за период пандемии численность хоумскулеров увеличилась на 14,5 тыс. человек, что практически эквивалентно общей численности хоумскулеров в 2016/17 уч.г. (12,1 тыс.чел.), осенью 2019 года число лиц от 7 до 18 лет, обучающихся по форме семейного образования, составило - 29,7 тыс. чел., а осенью следующего года - уже 44,2 тыс. чел. Сегодня численность хоумскулеров, прикрепленных к государственной или негосударственной образовательной организации для сдачи аттестаций, опубликованная на сайте Министерства просвещения РФ, составляет 49,1 тыс. чел. [4]

Рассмотрим некоторые аспекты семейного образования, представляющие интерес для научного сообщества. На основании открытой базы источников, соответствующих тематике хоумскулинга, в частности содержащих слова-маркеры «homeschooling», «homeschool», «home education» и их производные, опубликованной A. Nur, P. Agung, A. Fatkul [5], с помощью метода анализа документов автором был сформирован перечень наиболее

популярных тематик, интересовавших исследователей в области семейного образования. Эмпирическую базу составили англоязычные публикации по предметной области «социальные науки», проиндексированные в Scopus в период с 1998 по 2020 год. Из общего массива данных, включающего в себя 270 публикаций, для дальнейшего анализа были отобраны 249 позиций, наиболее полно отражающих содержание материала и выходные данные публикации (ФИО автора (авторского коллектива), аффилиация, наличие ссылки на источник или DOI публикации и др.), переиздания не учитывались.

Удалось установить, что до 2010 года включительно было опубликовано всего 22,5% от общего числа публикаций о хоумскулинге в журналах с соответствующим индексом. Основная масса публикаций Scopus приходится на последние десять лет (81,9%), причем, если с 2016 по 2020 год было опубликовано 118 работ (47,4%), то примерно половина из них (56 публикаций) вышла в свет с 2019 по 2020 год. Распределение по странам показало, что большинство публикаций принадлежат ученым-исследователям из США (63,1%) (высокая публикационная активность американских исследователей на изучаемую тематику также зафиксирована в обзорных статьях [6, p.114]). На втором месте оказались авторы из Израиля (8,8%), на третьем – представители Великобритании (6,0%). Примерно 4% публикаций было написано канадскими учеными, по 2% набрали представители Индонезии и Малайзии, чуть меньше Австралии, Испании и Чехии. По две публикации о семейном обучении в журналах, индексирующихся Scopus, были закреплены за исследователями из Австрии, Нидерландов, Франции, Южной Африки и др. В общей сложности представителями европейских стран было опубликовано 13,7% статей в высокорейтинговых журналах Scopus по социальным наукам, затрагивающих различные вопросы семейного образования.

Тематический рубрикатор составлен с опорой на название публикации, содержание аннотации, а также перечне ключевых слов и непосредственно материалах публикаций (с учетом приоритетности указанной последовательности блоков для анализа). В случае, если материалы статьи содержали широкий спектр освещенных тематик, перечень раскрытых тем ограничивался тремя направлениями исследования, которые прослеживались наиболее явно. Подобный подход обоснован необходимостью сформировать преставление об основных направлениях научных публикаций в сфере хоумскулинга, а не провести их детальную классификацию.

Согласно данным, отраженным в таблице №1, в каждой четвертой публикации освещались общие вопросы семейного образования, такие как понятие хоумскулинга,

Таблица 1

Основные направления исследований в области семейного образования, отраженные в высокорейтинговых публикациях Scopus с 1998 по 2020 год по направлению «социальные науки»

Тематика	Доля
Понятие семейного образования, увеличение числа хоумскулеров, социально-демографический портрет семейника	25,3%
Образовательный процесс (образовательные программы, расписание, различные образовательные подходы и методы, образовательное пространство)	19,7%
Правовые аспекты (законодательные нормы, особенности юридического регулирования перехода на СО)	16,9%
Роль родителя (вовлеченность родителей в образовательный процесс, совмещение роли учителя и родителя и др.)	12,4%
Причины выбора	11,2%
Религиозные убеждения семьи	10,4%
Сравнение семейного образования со школой	8,0%
Вопросы здоровья, вакцинация	6,4%
Образ жизни, социализация и воспитание	6,4%
Качество образования, оценка эффективности хоумскулинга, переход к следующей ступени образования	6,8%
Цели образования	5,6%
Дети с особенностями и прочие уязвимые категории	4,0%
Влияние COVID-19	2,4%
Проблемы семейного образования	2,4%
Анскулинг	1,6%
Сопровождение семейного образования	1,2%
Критика образования	1,2%
Другое	2,0%

Рассчитано по материалам: Nur A., Agung P., Fatkul A. Homeschooling Research Dataset (1998-2020). Harvard Dataverse, 2020. https://doi.org/10.7910/DVN/8KQSHF

основные тенденции развития данного направления, а также описывался социально-демографический портрет участника семейного образования. Вторым по популярности направлением оказались вопросы, связанные с образовательным процессом ребенка, речь шла о выборе образовательных программ учащихся, их расписании, а также о необычных методиках преподавания и расширении понятия образовательного пространства (19,7%). Немаловажную роль занимали публикации, посвященные правовым аспектам, раскрывающим особенности юридического статуса представителей семейного образования на государственном и региональном уровнях, в своих работах авторы также представляли законодательные инициативы в данной сфере и освещали иные вопросы, связанные с регулированием семейного образования (16,9%).

Остановимся подробнее на проблемах семейного образования, выявленных в рамках инициативного социологического исследования «Опыт семейного образования в России», проведенного по инициативе автора с его непосредственным участием в 2020 году. Для получения наиболее качественной информации о предмете исследования была сформирована целевая выборка, реализованная методом «снежного кома». Общее число респондентов, принявших участие в анкетном опросе, составило 656 человек из 8 Федеральных округов РФ (56 регионов). Данные опроса проанализированы в IBM SPSS Statistics версия 26.0, допустимая погрешность ±4% при доверительном интервале 95%. Попарные сравнения осуществлялись с использованием z-статистики для сравнения распределений ответов ($p < 0,05$), применялась поправка Бонферрони для компенсации эффекта множественных сравнений.

В исследовании приняли участие отцы и матери, состоящие в официальном браке (85,2%) (сожительствуют всего 2,6% опрошенных). Среднее число детей в семьях хоумскулеров составило 2,6 ребенка (с 3 детьми – 25,9%, с 4 детьми – 11,7%, с 5 и более детьми – 8,9%), что существенно отличается от общероссийских показателей (например, в 2020 году (год опроса) суммарный коэффициент рождаемости по данным Росстат равнялся 1,5 ребенка). Большая часть респондентов, принявших участие в исследовании – женщины, это обусловлено не только тематикой опроса, но и тем, что матери смогут дать более точную информацию об особенностях организации семейного образования, в силу высокой вовлеченности женщин в процесс заботы о детях [7].

Уровень образования хоумскулеров, принявших участие в опросе оказался весьма высоким, обнаружено свыше 80% респондентов с высшим образованием (81,7%), причем по ответам о супругах, доля, окончивших высшие учебные заведения, также оказывается весьма высокой (64,3%). Большинство опрошенных сообщило, что они не имеют педагогического образования (60,5%), а 77,9% заявили, что не получали психологического образования. При этом примерно 86% родителей, принявших участие в опросе, заявили, что не собираются повышать уровень квалификации или получать образование по направлению педагогики или психологии. Значительная часть хоумскулеров, участвующих в опросе, проживает в Центральном Федеральном округе (33,9%). В разрезе по регионам можно увидеть, что около 30% родителей представляют Москву и Московскую область, согласно официальной статистике на начало 2019/20 уч.г. на данные регионы приходилось порядка 40% хоумкулеров в РФ.

Примерно 40% участников исследования в процессе перехода на семейное образование столкнулись с рядом трудностей, в том числе 13,7% родителей заявили, что им до сих пор не удалось их разрешить. О наличии нерешенных проблем при переходе на семейное обучение чаще упоминали респонденты с низким или средним уровнем дохода, в сравнении с высокодоходными группами хоумскулеров (22,5%, 15,5% к 5,5%), а также опрошенные, не состоящие в зарегистрированном браке (27,8%) в отличие от тех, чей брак официально зарегистрирован (11,3%).

В таблице №2 представлены основные трудности хоумскулеров, возникающие в процессе перехода на семейное обучение. Наиболее распространёнными барьерами на пути к семейному образованию оказались сомнения родителей в своих возможностях по совмещению двух ролей: родителя и учителя, а также непонимание со стороны знакомых и родственников. С критикой знакомых в два раза чаще сталкивались хоумскулеры с низким уровнем дохода, в сравнении с теми, кто был отнесен к высокодоходной группе (51,7% к 25,9%). Финансовые сложности сильнее затронули не состоящих в браке родителей (36,2% к 13,4% – состоят в официальном браке) и лиц с низким уровнем дохода (31,7% – низкий, 17,2% - средний, 3,4% – высокий).

При переходе на семейное образование у трети опрошенных родителей (30,5%) возникали трудности с администрацией школы или учителями, около 20% испытывали сложности с местным органом управления образованием (18,6%). Педагоги значимо чаще становились препятствием на пути к семейному образованию для родителей, не состоящих в браке (19,1% к 6,0%), а также для представителей Южного и Уральского ФО в отличие от Центрального ФО (25,0%, 22,2% к 1,2% соответственно). Примерно каждого пятого опрошенного в равной степени часто волнуют проблемы с поиском образовательных программ для разработки учебного плана и поиск необходимого учебного материала.

Таблица 2

Трудности хоумскулеров при переходе на семейное образование

(Ответ на вопрос: «Если Вы столкнулись со сложностями в процессе перехода на семейное образование, то с какими именно?», в %)

Трудности при переходе на СО	Всего
Непонимание со стороны близких и родственников	36,5
Собственные опасения, что родитель может не справиться с выполнением двух ролей: учитель, родитель	35,7
Администрация школы препятствовала переходу	22,1
Сложности с поиском образовательных программ для разработки учебного плана	21,7
Сложности с поиском необходимого учебного материала	20,9
Возникли сложности с местным органом управления образованием	18,6
Финансовая составляющая	17,5
Учителя в школе препятствовали переходу	8,4
Сложности с юридическим оформлением	4,2
Другое	19,0

В случае, если школа (школьная администрация или учителя) препятствовала переходу на семейное образование, респондентов просили пояснить аргументы, которыми руководствовались работники образовательной сферы. Наиболее популярным ответом оказалось ***отсутствие у родителей достаточного уровня знаний и компетенций*** для осуществления результативного обучения, так ответили 35,9% от числа тех, кто сталкивался с ограничениями перехода на семейное обучение со стороны администрации школы или учителей. Особенно актуальной данная проблема оказалась для лиц со средним уровнем образования (83,8%), в отличие от тех, кто имеет диплом об окончании высшего учебного заведения (31,0%). Несмотря на то, что большая часть опрошенных не имеет педагогического образования (60,5%), родители осознанно подходят к переходу на данную форму обучения, так, свыше 70% родителей перед переводом детей на СО или сразу после его оформления прослушивали специализированные онлайн-курсы или посещали семинары по педагогике и семейному образованию.

Вторым аргументом против семейного обучения выступили комментарии об отсутствии на семейном образовании «социализирующего момента», ***нехватки общения со сверстниками*** (20,3%). По словам 86,9% родителей у детей на семейном обучении есть постоянный круг общения среди сверстников (рассчитано для единственного ребенка на семейном образовании и для младшего ребенка, если на СО оформлены двое и более детей). Причем 45,6% респондентов отметили, что дети ежедневно общаются со сверстниками, примерно столько же указали, что общение происходит несколько раз в неделю (47,7%). Одной из самых популярных площадок для общения являются кружки (76,8%), в среднем хоумскулеры посещают 2,08 кружков в качестве дополнительного образования. В тройку лидеров среди площадок для взаимодействия детей со сверстниками также попали встречи с друзьями и родственниками (70,9%) и возможность контактировать со сверстниками на детских площадках (69,2%).

Представители общеобразовательных учреждений критикуют семейное образование из-за ***ограниченности объема знаний, представляющихся на семейном обучении, в сравнении со школой*** (18,8%). Исследование показало, что подавляющее большинство родителей (81,1%) убеждено, что образовательная программа, которую ученики осваивают в семье, является расширенной версией школьной программы. Организовывая образовательный процесс самостоятельно, с использованием онлайн-платформ и др. треть участников исследования обращаются к репетиторам в качестве дополнительной помощи при освоении образовательной программы. Ключевой причиной привлечения сторонних преподавателей является желание родителей дать ребенку более углубленные знания по предмету (40,8%).

Последний значимый аргумент, выступающим против семейного образования, озвученный с позиции школы, выражался в уверенности учителей и школьной администрации в том, что ***обучающемуся на семейном образовании, сложнее сдать все аттестации и экзамены*** (12,5%). Родителям был задан вопрос о результатах последней аттестации по основным предметам, так, средняя оценка за аттестацию по русскому языку составила 4,64 балла из 5 (67,1% получили пятерку, 29,8% – четверку), а по математике – 4,71 балла (73,0% – получили пятерку, 25,2% – четверку). Отметим, что каждый десятый родитель имел опыт сдачи ОГЭ и/или ЕГЭ со своими детьми, обучавшимися на семейном образовании. Средняя оценка за ОГЭ по русском оказалась 4,55 балла из 5, а по математике 4,36 баллов. Баллы за ЕГЭ по русскому языку составили 79,9, по профильной математике 76,3 баллов. К сравнению приведем средние баллы ЕГЭ по РФ в 2019 году по русскому – 69,5 баллов, в 2020 – 71,6 балла, по профильной математике 56,5 баллов в 2019 году и 54,2 балла в 2020 году

[8]. Можно заключить, что в целом выпускники семейной формы, чьи родители приняли участие в опросе, сдали экзамены не хуже традиционных школьников, а по математике результаты оказались существенно выше. Исходя из результатов, полученных ребенком на ОГЭ или ЕГЭ, респонденты смогли заключить, что семейное образование было гораздо или несколько эффективнее традиционного школьного обучения с точки зрения предоставления качественных образовательных услуг (80,3%).

Подводя итог всему вышеизложенному, отметим, что семейное образование является результатом осознанного выбора родителей и, несмотря на критику, нацеленную на практикующих хоумскулеров, со стороны знакомых и родственников, образовательных организаций и местных администраций, не теряет своей популярности, ежегодно пополняя ряды своих последователей. Отдавая предпочтение хоумскулингу, родители берут на себя ответственность за образование ребенка и весьма успешно справляются не только с организацией образовательного процесса, что видно исходя из высоких результатов промежуточных и итоговых аттестаций. Но и обеспечивают условия для эффективного взаимодействия детей со сверстниками в рамках совместных встреч с друзьями и родственниками, прогулок с детьми и посещения различных кружков во избежание у ребенка проблем с нехваткой общения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Adverse consequences of school closures. More on UNESCO's COVID-19 Education Response. UNECSO, 2020. – URL: https://en.unesco.org/covid19/educationresponse/consequences (дата обращения: 10.02. 2022)

2. Закон Российской Федерации "Об образовании" от 10.07.1992. N3266-1 (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1888/ (дата обращения: 10.01.2022)

3. Ray B. Research Facts on Homeschooling. 09.09.2021. National Home Education Research Institute. – URL: https://www.nheri.org/research-facts-on-homeschooling/ (дата обращения: 10.11.2021)

4. Сведения по форме федерального статистического наблюдения № ОО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования» на начало уч.г. по РФ. Банк документов Министерства просвещения РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://edu.gov.ru/activity/statistics/general_edu (дата обращения: 15.02.2022).

5. Nur A., Agung P., Fatkul A. Homeschooling Research Dataset (1998-2020). Harvard Dataverse, 2020. DOI: 10.7910/DVN/8KQSHF

6. Jamaludin K., Alias N., DeWitt D. Research and Trends in the Studies of Homeschooling Practices: A Review on Selected Journals // Turkish Online Journal of Educational Technology. – 2005. – Vol. 14 (3). – Pp. 111–119. – URL: https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1067705.pdf (дата обращения: 20.02.2022)

7. Борисова О.Н. Отцовская вовлеченность: индивидуальные и межстрановые различия // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2017. – №6. – С. 260–283. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.13.

8. Косарева А. Средний балл ЕГЭ по предметам за последние 10 лет. MAXIMUM Blog, 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://blog.maximumtest.ru/post/srednij-ball-egeh-po-predmetam.html (дата обращения: 14.02.2022)

Информация об авторе

Ляликова Софья Викторовна, научный сотрудник ИСЭПН ФНИСЦ имени Н.М. Римашевской РАН, Лаборатория исследования здоровья населения и системы здравоохранения.

E-mail: lyalikova@socio.msu.ru

Lyalikova S.V.

PROBLEMS OF FAMILY EDUCATION: SOCIOLOGICAL ASPECT

Abstract. Annotation. The relevance of studying alternative forms of education has increased against the backdrop of criticism of the school education system, which has intensified during the pandemic. The article is based on empirical data that shows that homeschoolers often have problems when changing from a traditional education system to family education. The problems are related to misunderstanding and criticism from friends and relatives, as well as parents' doubts about their professionalism and the ability to successfully combine two social roles (parent and teacher) in the learning process. Particular attention was paid to the problems that were initiated by the school when changing the form of education to homeschooling. It is shown that representatives of educational organizations are concerned about the quality of the organization of the educational process in the family, related not only to the qualifications of parents, but also to the breadth and depth of knowledge presented to children, as well as certain aspects of the socialization of students in the family. The study shows that parents take responsibility for the education of the child, provide the necessary conditions for organizing a high-quality educational process and respond to each formulated argument with a counterargument expressed in effective behavioral practices for organizing education in the family.

Keywords: family education, homeschooling, school, family, homeschoolers

Literature

1. Adverse consequences of school closures. More on UNESCO's COVID-19 Education Response. UNECSO, 2020. – URL: https://en.unesco.org/covid19/educationresponse/consequences (дата обращения: 10.02. 2022)

2. Law of the Russian Federation "On Education" dated 10.07.1992. N3266-1 (latest revision) [Electronic resource]. – Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1888/ (date of the application: 10.01.2022) (In Russian)

3. Ray B. Research Facts on Homeschooling. 09.09.2021. National Home Education Research Institute. – URL: https://www.nheri.org/research-facts-on-homeschooling/ (дата обращения: 10.11.2021)

4. Information on the form of federal statistical observation № OO-1 "Information on the organization carrying out educational activities in educational programs of primary general, basic general, secondary general education" at the beginning of the academic year. across the RF. Bank of documents of the Ministry of Education of the Russian Federation. [Electronic resource]. – Access mode: https://edu.gov.ru/activity/statistics/general_edu (date of the application: 15.02.2022). (In Russian)

5. Nur A., Agung P., Fatkul A. Homeschooling Research Dataset (1998-2020). Harvard Dataverse, 2020. DOI: 10.7910/DVN/8KQSHF

6. Jamaludin K., Alias N., DeWitt D. Research and Trends in the Studies of Homeschooling Practices: A Review on Selected Journals // Turkish Online Journal of Educational Technology. – 2005. – Vol.14 (3). – Pp. 111–119. – URL: https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1067705.pdf (дата обращения: 20.02.2022)

7. Borisova O.N. Father's involvement: individual and cross-country differences // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. – 2017. – №6. – P. 260–283. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.13

8. Kosareva A. The average USE score in subjects over the past 10 years. MAXIMUM Blog, 2022. URL: https://blog.maximumtest.ru/post/srednij-ball-egeh-po-predmetam.html (date of the application: 14.02.2022) (In Russian)

Author

Lyalikova Sofia, Research Officer, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Laboratory for the Study of Population Health and the Health System

E-mail: lyalikova@socio.msu.ru

Семенова Ю.А., Мохнаткина К.В.

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ТРУДОВЫМ ПОВЕДЕНИЕМ ЛИЧНОСТИ

DOI: 10.26907/2079-5912.2022.3.40-45

Аннотация. В статье рассмотрены подходы к социальному управлению трудовым поведением личности. Установлено, что реформирование общественной жизни, внедрение комплекса рыночных реформ обусловили изменения в жизни личности, которые детерминируют соответствующие управленческие регуляторы ее трудового поведения и деятельности. Определено, что деятельность объектов социального управления зависит от места и роли их в структуре общественных, социально-экономических связей, динамики перемещения в иерархии, а также от правовых, мотивационных, статусных, культурных, управленческих факторов и регуляторов, а также поддержки государства. Доказано, что целенаправленное и эффективное функционирование различных социальных систем, распределительных отношений, современных форм и методов мотивации и стимулирования является направлением социального управления трудовым поведением и деятельностью личности, на формирование которого в значительной степени влияют изменения в сфере труда.
Ключевые слова: социальное управление, трудовое поведение, личность, система, предпринимательство.

В настоящее время в российском обществе происходят кардинальные преобразования, которые влияют на все сферы его жизнедеятельности. В этих условиях в государстве возникла потребность в проведении экономических реформ, которые отвечали бы развитию свободы и демократии. Имеет место ситуация трансформационного периода, реализации радикальных рыночных реформ.

При этом изменение социально-экономической системы сопровождается серьезными проблемами в социальной сфере, прежде всего в отношении благосостояния и доходов, условий повседневной жизни. Но наряду с этим образуются современные формы собственности, возникают новые возможности для социально-экономической активности и трудовой деятельности человека, формируются новые социальные слои и группы.

В этой связи появляется необходимость социального исследования и анализа проблем современного экономического общества, идентификации стереотипов трудового поведения личности, ее трудовой деятельности в отношении социальных оснований становления и формирования новых ценностей, психологических установок, мотивов и видов деятельности, пригодных для обеспечения жизнедеятельности в новых условиях. Актуализируется задача по повышению трудовой активности человека, создания более эффективных механизмов хозяйствования, что предполагает максимальную реализацию интересов личности и трудового коллектива, формирование новых подходов к общественно-производственному процессу и предпринимательской деятельности.

Изучению вопросов, связанных с управлением персоналом посвящены работы В.О. Кожиной [1], М.А. Мирошниченко [2], Е.Ю. Новиковой [3], Н.П. Романовой [4], Н.Н. Саксиной [5], А.В. Селиверстовой [6], Ю.А. Семеновой [7], А.Г. Эфендиева [8] и др. Но вопрос социального управления трудовым поведением личности и его роль в решении экономических проблем является недостаточно исследованным, а потому представляет научный интерес.

При этом проведение радикальных реформ в Российской Федерации обусловило появление новых типов людей, новых типов трудового поведения – рыночных, ориентированных на самодостаточность и самообеспеченность, высокую трудовую активность, внедрение новых форм организации и стимулирования труда с осознанием своей роли в экономических и социальных отношениях.

Преимущественно поведение можно изучать в рамках социальной психологии, где его можно рассматривать как внешнее проявление деятельности, систему действий биологического индивида, направленную на поддержание своего существования, проявляющуюся в определенной последовательности поступков, целенаправленных действий [9–11].

В этике поведение представляет собой совокупность действий и поступков в течение длительного времени. При относительной длительности, определенной последовательности и постоянстве в поступках их согласованность между собой свидетельствует о линии поведения лица. В праксеологии как общей теории человеческого действия, под поведением понимают деятельность, сознательно направленную на достижение какой-либо цели. Под поведением также можно понимать форму деятельности человека, его внешний аспект, и здесь можно выделить социальное, социально-экономическое, трудовое поведение.

При этом социальное поведение как внешнее проявление деятельности выявляет конкретную позицию человека, его установку. Это форма превращения деятельности в реальные действия по отношению к социально значимым объектам. Она означает систему действий и поступков человека, наблюдаемых вовне, в которой реализуются внутренние призвания. Социально-экономическое поведение – это система взаимосвязанных действий, которые совершают люди в различных сферах общества в рамках групповых и личных интересов. Трудовое поведение – это комплекс целесообразных действий, определяющих направленность реализации человеческого фактора.

Деятельность как существенная определенность способа бытия человека в мире, его способность вносить в деятельность изменения или форма активности, характеризует способность человека, или связанных с ним способов, быть причиной изменений в бытии. Это форма отношения к окружающему миру для его преобразования.

Категории «поведение» и «деятельность» различаются между собой. Категория «поведение» меньше уже, чем категория «деятельность», поскольку «деятельность» имеет и реальный, и морально-преобразовательный характер, а потому не всегда поддается внешнему наблюдению. Термины «поведение» и «деятельность» можно употреблять в аналогичном понимании, когда деятельность рассматривается как система поведения.

Трудовое поведение нами отождествляется с экономическим и производственным поведением, производственной деятельностью. При этом можно не принимать во внимание социально-поведенческие аспекты трудовой деятельности. Суть трудового поведения обусловлена не только созданием общественно необходимого продукта, но и собственным воспроизводством и развитием, то есть воспроизведением физических сил человека, ростом его знаний, развитием навыков и способностей к творчеству.

В этих условиях процесс образования «среднего класса», научное исследование его трудового поведения как деятельности, в российском обществе начался с преобразования, по меньшей мере, двух социальных групп. В рамках первой группы можно включить партийно-управленческую элиту, руководителей и управленцев отраслей, предприятий, часть интеллигенции. Вторая группа, которая является основным источником «среднего класса», – это профессионально подготовленные работники, которые составляют часть интеллигенции, высококвалифицированные слои рабочего класса, фермерства и предприниматели.

Для нашей страны трудно определить приоритетные характеристики «среднего класса», который практически только создается и, бесспорно, его нельзя выделять только с медианным значением прибыли. При этом проблемы формирования и идентификации среднего класса для тех или иных стран с переходной экономикой связаны с социально-экономическими и политическими явлениями. Для большинства стран постсоветского пространства характерны: динамичность структуры общества; недостаточный период экономического роста; разрыв связи «образование-профессия-доход»; значительная экономическая активность населения вне сферы формальной экономики.

Современное российское общество демонстрирует свой путь в формировании среднего класса [12-14]. Основой создания его являются предприниматели, молодежь. К основным показателям среднего класса можно отнести: владение недвижимостью; высокий уровень образования, профессиональной квалификации и культуры, что позволяет управлять предприятием, выполнять высококвалифицированную работу; тип трудового поведения, ориентированной на рыночное хозяйствование, самостоятельность и независимость, инновационность и инвестиционную активность; личное развитие, удовлетворенность статусом; политическую ориентацию на демократические ценности, заинтересованность в стабильности; субъективную идентификацию.

Рассматривая «средний класс» в процессе трансформации общества, необходимо подчеркнуть, что его формирование находится на начальном этапе и требует серьезного государственного внимания и поддержки. Предпосылками становления «среднего класса» и оптимизации его трудового поведения как деятельности являются: а) сохранение положительных тенденций экономического роста в условиях экономического развития, что способствует функционированию предпринимательства, переходу экономики на инновационную модель развития; б) рост денежных доходов населения, прежде всего его высокообразованной и высококвалифицированной части; в) оптимизация шкалы доходов населения; г) совершенствование правовой базы и институтов капитализации сбережений населения; д) ориентация развития потребительского рынка и рынка услуг на потребности и финансовые возможности среднего слоя населения; е) сохранение и совер-

шенствование интеллектуальных характеристик занятого населения; е) повышение уровня духовных ценностей института семьи, укрепление его роли в жизни общества.

Практика показала, что переход к рыночной экономике тесно связан с возникновением и развитием современного предпринимательского сектора экономики, с формированием новых форм хозяйственной деятельности. Поэтому важной составляющей трансформационных преобразований, построения рыночных отношений, выступает возникновение, развитие и состояние предпринимательской деятельности, основа которой –трудовая активность личности.

Предпринимательство является необходимой чертой рынка, его обязательным атрибутом, при этом главным субъектом рыночных отношений выступает предприниматель. Предпринимательство как вид деятельности личности охватывает в настоящее время не только производственную сферу, а носит более общий характер и объединяет широкий спектр экономических, социальных, психологических, культурно-исторических, научных, правовых и других сторон общественной жизни.

Как метод хозяйствования широко известен и применяется в развитых странах, является объективно существующей действительностью. Необходимо отметить, что появлению и утверждению предпринимательства способствуют ряд предпосылок и факторов. При этом предприниматель – это создатель инноваций, а инновация является порождением предпринимательства, и предпринимательскую функцию можно отождествлять с функцией лидерства.

Предприниматель – это личность, которая отличается поведением и мотивами деятельности, интуицией и волевыми чертами, интеллектом и мировоззрением, постоянно преодолевает инерцию, связанную с привычками и традициями. Главный его противник – сопротивление внешней среды, поэтому новаторство предпринимателя – это источник общего движения и констатирующий признак. Предпринимателя можно определить как субъекта рыночного процесса, который инициирует бизнес с целью получения прибыли.

Предпринимательство – это деятельность, которая характеризуется особыми признаками, такими как экономическая самостоятельность, инициативность, творческое новаторство, инновационность, системность, имущественная ответственность; сложная система жизнедеятельности, в центре которой стоит предприниматель-хозяйственник, организатор, которая состоит из совокупностей трудовых, поведенческих комплексов и действий личности.

Трудовое поведение предпринимателя общественно обусловлено, детерминирует предпринимательское поведение, приобретает характерные черты и трансформируется в предпринимательскую деятельность. Как система и деятельность, она характеризуется совокупностью основных закономерностей и тенденций: энергичностью и инициативностью, которые базируются на экономической свободе свободного выбора вида, форм и сферы деятельности, методов ее осуществления, умом и компетентностью.

Предпринимательская деятельность дает возможность реализовать личный трудовой и творческий потенциал, принимать нестандартные решения. Она определяется деловитостью и динамизмом, умением рисковать, личной ответственностью за результаты деятельности; стремлением к лидерству, достижению и конкуренции; умением подбирать команду, руководить ею, организовывать ее работу; направленностью на инновации и изменения, комбинирование производственных факторов.

Трудовое поведение в рамках предпринимательской деятельности меняется и эволюционирует, но определяющие ее черты остаются неизменными. Становление предпринимательства также имеет свои отличия и сопровождается социальными факторами, такими как: динамика доходов населения; уровень жизни и социальных гарантий; социальная и трудовая поведение личности в условиях эко-

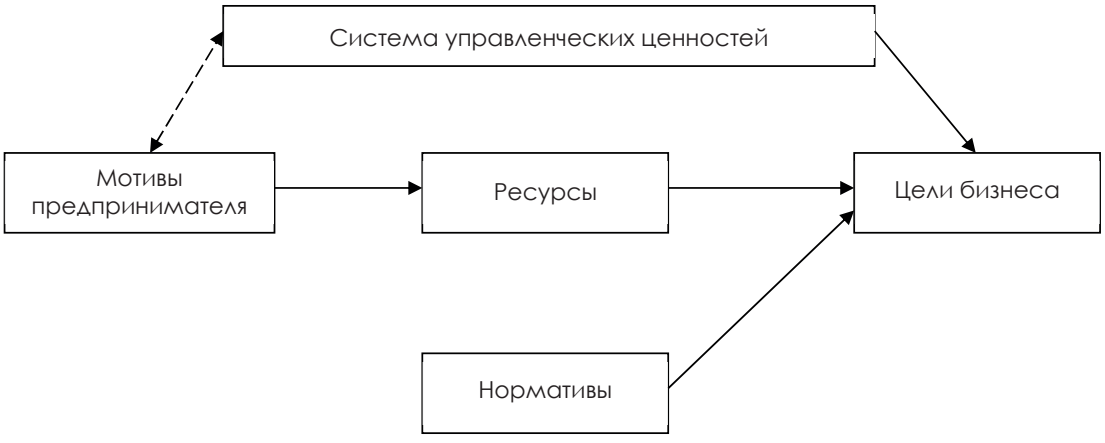

Рисунок. 1. Цели и мотивы предпринимательской деятельности

номической реформы, что фиксируется динамикой перехода в коммерческие и предпринимательские структуры и выходом из них; политическая активность; отношение к предпринимательству и установке на предпринимательскую деятельность.

Предпринимательская мотивация, цель достижения, активное трудовое поведение обусловливают развитие предпринимательства. Трудовое поведение в значительной мере определяется, особенно на этапе рыночных преобразований, уровнем экономической культуры. Культуру предпринимательства определяет совокупность практических, материальных и духовных достижений общества, которые воспроизводят достигнутый уровень предпринимательской деятельности или богатством тех достижений, которые люди получили в процессе своей деятельности и познания экономической действительности.

Совокупность разновидностей рыночной трудового поведения, как предпринимательской деятельности, показателей высокой трудовой эффективности личности обеспечивает внедрение современных радикальных реформ, создание среднего класса и равновесие в обществе. В этом случае анализ управления трудовым поведением представляет собой одно из важных направлений исследования социально-политических и социально-культурных условий функционирования и развития общества, общественных отношений.

Важным фактором деятельности механизмов развития сфер общественной жизни, их взаимодействия и взаимоотношений, функционирования общественно-производственного процесса, составляющей которого является социальная и трудовая деятельность личности, выступает управляемость, прогнозирование и предсказуемость [15, 16].

Управление, как научно обоснованное умение и искусство воздействия на объект управления, в частности на трудовое поведение как деятельность, не подавляя творческого потенциала, создает условия для активного его развития. При этом современный уровень жизни требует серьезных знаний и навыков для принятия адекватных управленческих решений. Имеется довольно много подходов к социальному управлению, пониманию его структуры, принципов, закономерностей, но нет целостного определения. Часто наряду или вместо управления, используют такие понятия как руководство, регулирование, менеджмент, организация и администрирование. Научные основы управления опираются на систему и искусство управления, поэтому процесс социального управления выступает процессом управленческой деятельности в сочетании с управленческими отношениями.

При этом современной научной парадигмой социального управления в условиях трансформации общества должна стать оптимизация социального становления личности, как основного субъекта управления, ее деятельности, как объекта управления, которое базируется на ведущих принципах гуманизации и демократизации всего общественного механизма управления.

Подводя итоги, можно отметить, что реформирование общественной жизни, внедрение комплекса рыночных реформ обусловили изменения в жизни личности, которые детерминируют соответствующие управленческие регуляторы ее трудового поведения и деятельности. Следует подчеркнуть, что деятельность объектов социального управления зависит от места и роли их в структуре общественных, социально-экономических связей, динамики перемещения в иерархии этой структуры, а также от правовых, мотивационных, статусных, культурных, управленческих факторов и регуляторов, поддержки государства.

Целенаправленное и эффективное функционирование различных социальных систем, распределительных отношений, современных форм и методов мотивации и стимулирования является направлением социального управления трудовым поведением и деятельностью личности, на формирование которого в значительной степени влияют изменения в сфере труда и деятельности, эффективность внедрения рыночных реформ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кожина В.О. Развитие инновационного предпринимательства в условиях цифровизации [Текст] / В.О. Кожина, О.Е. Лебедева, Г.С. Дьякова, С.А. Измайлова // Экономика и предпринимательство. – 2021. – № 1 (126). – С. 721–724.

2. Мирошниченко М.А. Организационные и социально-психологические аспекты разработки управленческих решений [Текст] / М.А. Мирошниченко, А.А. Бондаренко, Б.И. Волобуев // Вестник Академии знаний. – 2019. – № 3 (32). – С. 174–180.

3. Новикова Е.Ю. Системная биосоциальная парадигма объяснения трудового поведения [Текст] / Е.Ю. Новикова // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. – 2018. – № 3 (23). – С. 171–177.

4. Романова Н.П. Управление человеческими ресурсами как форма использования человеческого потенциала [Текст] / Н.П. Романова // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2019. – Т. 25. – № 2. – С. 88–95.

5. Саксина Н.Н. Регулирование трудовой активности персонала предприятия: система оценочных показателей [Текст] / Н.Н. Саксина, С.А. Бабенко // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Экономика. – 2019. – № 1 (39). – С. 85–94.

6. Селиверстова А.В. Навык управленческой фасилитации с точки зрения эффективности управленческой деятельности [Текст] / А.В. Селиверстова // Северо-кавказский психологический вестник. – 2018. – № 16/2. – С. 22–36.

7. Семенова Ю.А. Взаимодействие институтов власти и предпринимательских структур [Текст] / Ю.А. Семенова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 3 (35). – С. 86–96.

8. Эфендиев А.Г. О влиянии компьютеризации на социальные аспекты трудовой деятельности специалистов [Текст] / А.Г. Эфендиев, А.С. Гоголева, Е.С. Балабанова // Социологические исследования. – 2020. – № 9. – С. 114–121.

9. Лебедева О.Е. Проблемы и перспективы рынка земли в Украине [Текст] / О.Е. Лебедева // Материалы Вторых годовых сборов Всеукраинского конгресса ученых экономистов-аграрников южного региона Украины "Трансформация земельных отношений к рыночным условиям хозяйствования". – 2009. – С. 97–100.

10. Лебедева О.Е. Реализация культурно-образовательной деятельности в туризме [Текст] / О.Е. Лебедева, К.А. Лебедев, Н.А. Луканова // Сервис в России и за рубежом. – 2016. – Т. 10. – № 4 (65). – С. 71–82.

11. Лебедева О.Е. Совершенствование взаимосвязей производителей и переработчиков молока [Текст] / О.Е. Лебедева // Культура народов Причерноморья. – 2010. – № 192. – С. 74–77.

12. Лебедева О.Е. Совершенствование государственного регулирования рынка молока [Текст] / О.Е. Лебедева // Культура народов Причерноморья. – 2010. – № 193. – С. 168–171.

13. Лебедева О.Е. Теоретические аспекты формирования продовольственного рынка [Текст] / О.Е. Лебедева // Научные труды Южного филиала Национального университета биоресурсов и природопользования Украины "Крымский агротехнологический университет". Серия: Экономические науки. – 2010. – № 128. – С. 238–245.

14. Силка Д.Н. Совершенствование системы ценообразования в строительстве [Текст] / Д.Н. Силка, К.А. Лебедев // Экономика и предпринимательство. – 2016. – № 4-2 (69). – С. 431–436.

15. Шадская И.Г. Прогнозирование развития туристского рынка на основе социально-экономического мониторинга [Текст] / И.Г. Шадская, Н.А. Яковлева // Сервис в России и за рубежом. – 2013. – № 8 (46). – С. 207–214.

16. Юдашкина Е.Е. Стратегическое планирование социально-экономических процессов на основу когнитивного подхода [Текст] / Е.Е. Юдашкина, А.Л. Никазаченко, К.А. Лебедев // Экономика и предпринимательство. – 2017. – № 8–2 (85). – С. 1062–1065.

Информация об авторах

Семенова Юлия Александровна, доцент, кандидат социологических наук ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», Социологический факультет, кафедра социологии молодежи.

E-mail: semenofa@gmail.com

Мохнаткина Ксения Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной информатики, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»,

E-mail: kse339@yandex.ru

Semenova Yu.A., Mokhnatkina K.V.

SOCIAL MANAGEMENT OF PERSONAL LABOR BEHAVIOR

Abstract. The article considers approaches to social management of work behavior of a person. It is established that the reformation of public life, the introduction of a set of market reforms have led to changes in the life of the individual, which determine the appropriate management regulators of her work behavior and activities. It is determined that the activity of social management objects depends on their place and role in the structure of social, socio-economic relations, the dynamics of movement in the hierarchy, as well as on legal, motivational, status, cultural, managerial factors and regulators, as well as state support. It is proved that the purposeful and effective functioning of various social systems, distributive relations, modern forms and methods of motivation and stimulation is the direction of social management of labor behavior and activity of the individual, the formation of which is largely influenced by changes in the field of labor.

Keywords: social management, labor behavior, personality, system, entrepreneurship.

Literature

1. Kozhina V.O. Development of innovative entrepreneurship in the conditions of digitalization [Text] / V.O. Kozhina, O.E. Lebedeva, G.S. Dyakova, S.A. Izmailova // Economics and entrepreneurship. – 2021. – № 1 (126). – Pp. 721–724.

2. Novikova E.Y. Systemic biosocial paradigm of explaining labor behavior [Text] / E.Y. Novikova // Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics. Introduction. The path to science. – 2018. – № 3 (23). – Pp. 171–177.

3. Miroshnichenko M.A. Organizational and socio-psychological aspects of the development of managerial decisions [Text] / M.A. Miroshnichenko, A.A. Bondarenko, B.I. Volobuev // Bulletin of the Academy of Knowledge. – 2019. – № 3 (32). – Pp. 174–180.

4. Romanova N.P. Human resource management as a form of using human potential [Text] / N.P. Romanova // Bulletin of the Trans-Baikal State University. – 2019. – Vol. 25. – No. 2. – Pp. 88–95.

5. Saksina N.N. Regulation of labor activity of the company's personnel: a system of evaluation indicators [Text] / N.N. Saksina, S.A. Babenko // Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Economics. – 2019. – № 1 (39). – P. 85–94.

6. Seliverstova A.V. The skill of managerial facilitation from the point of view of the effectiveness of managerial activity [Text] / A.V. Seliverstova // North Caucasian Psychological Bulletin. – 2018. – No. 16/2. – Pp. 22–36.

7. Semenova Yu.A. Interaction of government institutions and business structures [Text] / Yu.A. Semenova // News of higher educational institutions. Volga region. Social sciences. – 2015. – № 3 (35). – Pp. 86–96.

8. Efendiev A.G. On the impact of computerization on the social aspects of the work of specialists [Text] / A.G. Efendiev, A.S. Gogoleva, E.S. Balabanova // Sociological research. – 2020. – No. 9. – Pp. 114–121.

9. Lebedeva O.E. Problems and prospects of the land market in Ukraine [Text] / O.E. Lebedeva // Materials of the Second annual collections of the All-Ukrainian Congress of Agricultural Economists of the southern region of Ukraine "Transformation of land relations to market conditions of management". – 2009. – Pp. 97–100.

10. Lebedeva O.E. Implementation of cultural and educational activities in tourism [Text] / O.E. Lebedeva, K.A. Lebedev, N.A. Lukanova // Service in Russia and abroad. – 2016. – T. 10. – № 4 (65). – Pp. 71–82.

11. Lebedeva O.E. Improvement of interrelations of producers and processors of milk [Text] / O.E. Lebedeva // Culture of the peoples of the Black Sea region. – 2010. – No. 192. – Pp. 74–77.

12. Lebedeva O.E. Improvement of state regulation of the milk market [Text] / O.E. Lebedeva // Culture of the peoples of the Black Sea region. – 2010. – No. 193. – Pp. 168–171.

13. Lebedeva O.E. Theoretical aspects of the formation of the food market [Text] / O.E. Lebedeva // Scientific works of the Southern branch of the National University of Bioresources and Environmental Management of Ukraine "Crimean Agrotechnological University". Series: Economic Sciences. – 2010. – No. 128. – Pp. 238–245.

14. Silka D.N. Improving the pricing system in construction [Text] / D.N. Silka, K.A. Lebedev // Economics and entrepreneurship. – 2016. – № 4-2 (69). – Pp. 431–436.

15. Shadskaya I.G. Forecasting the development of the tourist market on the basis of socio-economic monitoring [Text] / I.G. Shadskaya, N.A. Yakovleva // Service in Russia and abroad. – 2013. – № 8 (46). – Pp. 207–214.

16. Yudashkina E.E. Strategic planning of socio-economic processes on the basis of a cognitive approach [Text] / E.E. Yudashkina, A.L. Nikazachenko, K.A. Lebedev // Economics and entrepreneurship. – 2017. – № 8-2 (85). – Pp. 1062–1065.

Authors

Semenova Yulia Alexandrovna, Associate Professor, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Faculty of Sociology, Department of Sociology of Youth.

E-mail: semenofa@gmail.com

Mokhnatkina Kseniya Vladimirovna, Associate Professor, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Department of Social Informatics.

E-mail: kse339@yandex.ru

Черников М.В., Перевозчикова Л.С., Авдеенко Е.В.

ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ФИЛОСОФИЯ МАРЖИНАЛИЗМА

DOI: 10.26907/2079-5912.2022.3.46-51

Аннотация. В настоящей статье обсуждаются концептуальные инновации, внесенные в современную социально-гуманитарную науку развернувшейся во второй половине XIX века маржиналистской революцией.
Утверждается, что маржиналистская революция открывает новые плодотворные мировоззренческие и методологические перспективы понимания не только сугубо экономических явлений, но и всех форм межчеловеческих взаимодействий.
Подробно анализируется философия маржиналистской революции. Выясняется, что базовым типом обменных взаимодействий в человеческом обществе является принцип не эквивалентного, а неэквивалентного обмена. Обсуждается вопрос формирования ценностной определенности предназначенных к обмену благ и, соответственно, вопрос, почему возникают различия в трактовке ценности одного и того же предмета у разных людей или почему происходят изменения в трактовке ценности блага с течением времени у одного человека.
Разбираются как общетеоретические, так и прикладные импликации, вытекающие из принятия в качестве основополагающей маржиналистской научно-исследовательской программы.
Ключевые слова: маржиналистская революция, мировоззрение, методология социально-гуманитарных наук, принцип неэквивалентного обмена, принцип максимизации.

В 1871 году австрийский ученый-экономист Карл Менгер опубликовал «Основания политической экономии» – выход в свет этой книги ознаменовал начало т.н. маржиналистской революции, которая произвела мировоззренческий, и методологический переворот в экономической теории. Экономическая наука даже поменяла своё название: старое название – political economy, отражавшее доминирующее положение в экономической теории классической политэкономии, уступило место (по крайней мере, в англоязычных странах) новому названию – economics, что свидетельствовало о переходе экономической теории на новую методологию – методологию маржинализма.

Произошедшая в результате маржиналистской революции (авторами которой, наряду с К. Менгером, считаются англичанин У. Джевонс и француз Л. Вальрас) мировоззренческо-методологическая трансформация и легла в основу всех успехов экономической науки XX века.

Важно, однако, понимать, что значение маржиналистской революции просматривается не только в сфере чистой экономики. Благодаря новой – заложенной маржиналистами – мировоззренческо-методологической перспективе стала возможна происходящая ныне методологическая революция в широкой области социально-гуманитарных наук. Возникло особое движение «экономического империализма» [2]), выведшее на сцену научной мысли методологический подход, который принято называть современным экономическим подходом. О нём лауреат Нобелевской премии по экономике за 1992 известный американский ученый Гэри Беккер высказывается: «экономический подход уникален по своей мощи,… он способен интегрировать множество разнообразных форм человеческого поведения, [он] является всеобъемлющим и применим ко всякому человеческому поведению – к ценам денежным и теневым, вмененным; к решениям повторяющимся и однократным, важным и малозначащим; к целям эмоционально нагруженным и нейтральным; к поведению богачей и бедняков, пациентов и врачей, бизнесменов и политиков, учителей и учащихся». [1]

В рамках мировоззренческо-методологических перспектив, открытых маржиналистской революцией, произошло и возникновение нового междисциплинарного научного направления, названного Праксиология. [4]

Философия маржинализма – возрождает и берёт за основу тот взгляд на природу человека, который характерен для т.н. модели «человека экономического».

У истоков модели «человека экономического» стояли английские философы утилитаристского направления Д. Юм и, особенно, И. Бентам. Они высказывали убеждение, что, по своей сути, человек – эгоист и в своём поведении руководствуется, главным образом, принципом удовлетворения имеющихся потребностей или, как было сформулировано позже, принципом максимизации т.н. функции полезности.

Схожую позицию выражает и А. Смит: «...человек постоянно нуждается в помощи своих ближних, и тщетно было бы ожидать ее только от их благоволения. Он скорее достигнет своей цели, если призовет себе в помощь их эгоизм... Дай мне то, что мне нужно, и ты получишь то, что необходимо тебе... именно таким путем мы получаем друг от друга наибольшую часть необходимых нам услуг. Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к гуманности их, а к эгоизму и всегда говорим не о наших нуждах, но лишь об их выгодах. Никто, кроме нищего, не хочет зависеть в важнейших вопросах от благоволения своих сограждан...» [6, с. 77]

Однако А. Смит (как вслед за ним и все другие представители классической политэкономии вплоть до К. Маркса) отнюдь не считал, что экономический анализ надо производить, отталкиваясь от характеристик индивидуального человека. Дело в том, что саму человеческую индивидуальность А. Смит выводил из условий жизни человека в обществе. Различия между людьми определяются – считал А. Смит – «не столько природой, сколько привычкой, практикой и воспитанием». А привычка, практика и воспитание задаются устройством человеческого общества, прогресс развития которого определяется уровнем развития техники и уровнем развития разделения общественного труда. При этом – утверждал А. Смит – различие человеческих способностей является «не столько причиной, сколько следствием разделения труда».

Результатом таких взглядов стал проводимый всеми представителями классической политэкономии методологический принцип, согласно которому в качестве исходного пункта экономического анализа надо брать не индивида, а общество. И уже из соответствующего понимания устроения общества надо выводить логику экономического поведения индивидуального человека.

Этот методологический принцип и оказался перевёрнут маржинализмом. Правильнее – стали утверждать маржиналисты – не поведение человека выводить из общества, а экономическую организацию общества выводить из принципов поведения отдельного человека. Маржинализм, таким образом, начинает исповедовать принцип «методологического индивидуализма».

Свой методологический принцип маржиналисты не только задекларировали, но и обосновали, что потребовало решения ряда концептуальных проблем.

Действительно, если мы берём за основу экономического анализа эгоистичного индивида, максимизирующего свою выгоду, то надо будет признать, что обмен, в котором будет участвовать такой индивид в качестве экономического агента, должен всегда давать ему некое экономическое приращение, то есть носить не эквивалентный, а неэквивалентный характер. Но это значит, мы отказываемся от (освященной многовековой традицией – от Аристотеля до Маркса) концепции эквивалентного обмена и переходим к концепции неэквивалентного обмена.

Однако, если каждый экономический агент участвует только в прогрессивно-неэквивалентном обмене (получает – в соответствующем ценностном эквиваленте – больше, нежели отдаёт), то как же возможно взаимовыгодное обменное взаимодействие многих экономических агентов? Если каждый будет «перетягивать одеяло на себя», то нормального – естественно протекающего – процесса обмена экономическими благами происходить не будет. А ведь именно такой – естественно протекающий – обмен экономическими благами мы повсеместно имеем возможность наблюдать в обществе (естественность этого процесса традиционно выводилась из концепции эквивалентного обмена, поскольку именно Аристотелевский принцип некоего равенства обмениваемых (то есть приравниваемых) сущностей представлялся «естественным»).

Эту (непреодолимую ранее на концептуальном уровне) трудность: как может быть одновременно взаимовыгодным обмен между экономическими акторами, каждый из которых при обмене хочет получить больше (в соответствующем ценностном эквиваленте), нежели отдать? – и удалось преодолеть маржинализму, что и обусловило выход модели «человека экономического» на новый уровень, открыв новые методологические перспективы развития для маржиналистской научно-исследовательской программы.

Основной вклад в такого рода концептуальный прорыв внёс К. Менгер. Он начинает проводить чёткое различие между понятиями «благо» и «ценность блага».

Благо – этот тот, объективно существующий элемент окружающей человека среды, за счёт использования которого последний удовлетворяет свою (ту или иную) потребность.

Сама способность данного элемента удовлетворять человеческую потребность есть полезность данного блага. [3, с. 38]

Но т.н. хозяйствующая деятельность субъекта, то есть деятельность, нацеленная на приобретение и распоряжение соответствующими благами, возникает только тогда, когда

человек осознаёт, что некий элемент окружающей среды способен быть средством удовлетворения соответствующей потребности.

Хозяйствующая деятельность, как полагает Менгер, возникает только в том случае, если происходит наложение четырех определенных условий: 1) наличествует определенная человеческая потребность; 2) наличествует некий предмет, способный быть средством удовлетворения этой потребности; 3) у человека имеется понимание того обстоятельства, что данный предмет может выступить в качестве средства удовлетворения соответствующий потребности; 4) у человека есть возможность реально использовать данный предмет в качестве средства удовлетворения соответствующий потребности.

Блага приобретают характер экономических или неэкономических в зависимости от того, достаточно ли благ для удовлетворения имеющихся потребностей (в этом случае все потребности будут удовлетворены) или недостаточно (в этом случае ряд потребностей не будут удовлетворены, и тогда возникает – специфически экономическая задача – оптимизировать процесс удовлетворения потребностей в условиях ограниченности ресурсов или имеющихся в распоряжении благ). [5]

В первом случае имеющиеся блага имеют неэкономический характер (экономическая по своей сути задача оптимизации процесса целедостижения в условиях ограниченности ресурсов даже и не ставится). И только во втором случае блага приобретают экономический характер.

Соответственно, только во втором случае возникает специфически экономическая задача оптимизировать процесс целедостижения в условиях ограниченности ресурсов. Решение этой задачи требует:

1. Произвести выбор между теми потребностями, которые мы собираемся удовлетворить за счёт того ограниченного количества благ, которыми мы в состоянии распоряжаться, и теми потребностями, которые мы будем вынуждены оставить неудовлетворенными.

2. Максимизировать эффективность удовлетворения наличествующих потребностей ограниченным числом, имеющихся у нас благ.

В условиях хозяйствующей деятельности общества, то есть в условиях ограниченности благ неизбежно возникают проявления человеческого эгоизма. Каждый индивид нацелен на возможно более полное удовлетворение собственных потребностей, считая, по сути, факультативным удовлетворение потребностей других. В этих условиях требуются специальные институты, препятствующие насильственному захвату благ одним индивидом у другого. Такими институтами, в первую очередь, становятся право частной собственности и государство, выступающее гарантом права частной собственности.

Устранение права частной собственности возможно лишь при условии устранения причин, его порождающих. Только в том случае, если нам не надо вести хозяйственную деятельность, если у нас нет ресурсных ограничений в плане удовлетворения имеющихся потребностей, если, таким образом, находящиеся в нашем распоряжении блага носят неэкономический характер – только в этом случае представляет возможным отказаться от права частной собственности.

Соответственно, – указывает Менгер – все социальные реформы и преобразования, проводимые в условиях ограниченности ресурсов для удовлетворения потребностей, имеющихся у членов общества, могут быть направлены только на вопросы более эффективного, более справедливого распределения имеющихся в распоряжении общества благ, но не на полную ликвидацию частной собственности.

Особое внимание привлекает Менгер к тому факту, что характер благ – экономический или неэкономический – не есть имманентное свойство самого предмета, выполняющего функцию блага. Характер блага зависит от отношения этого блага к возможности удовлетворить все имеющиеся в данном случае потребности (если все потребности могут быть удовлетворены с избытком, благо имеет неэкономический характер, если полное удовлетворение всех имеющихся потребностей невозможно – благо имеет экономический характер).

Как далее указывает Менгер, отношенческую природу имеет и ценность блага, которая также не есть свойство самого блага. Причем – что также важно подчеркнуть – феномен ценности блага возникает только в условиях хозяйства (хозяйствующей деятельности), то есть только в условиях ограниченности ресурсов для удовлетворения всех имеющихся благ (последние в этом случае носят экономический характер).

Только в том случае, если люди приходят к пониманию того, что от правильного использования того или иного блага напрямую зависит удовлетворение их насущной потребности (большая или меньшая степень удовлетворения насущной потребности) это благо приобретает для них ценность. И только в этом случае – когда мы имеем дело с экономическими благами – становятся правомерными понятия меновая ценность и ценность потребительная. Если же мы имеем дело с неэкономическими благами бессмысленно говорить об их ценности. Неэкономические блага просто не имеют ценности, ни меновой, ни потребительской.

В этом месте Менгер подчеркивает, что не следует путать понятия ценности блага и понятие полезности блага. Полезность – как считает Менгер – это общая возможность предмета выступать средством удовлетворения человеческих потребностей. В этом смысле полезностью обладают

и неэкономические блага. Однако ценность имеют только блага экономические, то есть те блага, которых явно не хватает для исчерпывающего удовлетворения имеющихся потребностей.

Результатом концептуального прояснения вопроса о том, что собой представляет ценность блага, результатом, в частности, понимания того, что ценность предмета как блага не есть свойство самого предмета, а есть следствие отношения, в котором данный предмет находится к возможности удовлетворять соответствующие потребности, становится и понимание того, почему возникают различия в трактовке ценности одного и того же предмета у разных людей или почему происходят изменения в трактовке ценности блага с течением времени у одного человека.

Очевидно, что один и тот же предмет, выступающий как благо, удовлетворяющее определенную потребность, будет более ценим человеком, у которого эта потребность менее удовлетворена, по сравнению с человеком, у которого эта потребность более удовлетворена. Точно так же один и тот же человек будет ценить предмет, выступающий как благо, удовлетворяющее определенную потребность, в большей степени в ситуации, когда у него эта потребность менее удовлетворена. Но по мере того, как начинается процесс удовлетворения потребности, возникает своего рода «эффект насыщения» и ценность блага, удовлетворяющего данную потребность, в глазах этого человека уменьшается.

Понимание феномена ценности позволяет Менгеру корректно разрешить вопрос, долго мучащий экономистов классического периода (до маржиналистской революции). Почему благо имеющую очевидно высокую полезность, например, питьевая вода, зачастую имеет меньшую ценность, нежели благо, имеющую сравнительно более низкую полезность, например, отдельный драгоценный камень?

Менгер указывает, что такого рода парадокс, объясняется благодаря введению понятия редкости потребляемого блага. Питьевая вода имеется на Земле в достаточно большом количестве и (безусловно очень важная для поддержания человеческой жизни) потребность в утолении жажды удовлетворяется относительно легко. Драгоценные камни, наоборот, относительно редки и потребность в обладании ими (безусловно менее важная для поддержания человеческой жизни, нежели потребность в питьевой воде) удовлетворяется в относительно малой степени. Именно поэтому ценность драгоценного камня в обычных земных условиях гораздо выше, нежели ценность того же объема питьевой воды.

Однако, в случае возникновения не типичной ситуации, например, для человека, находящегося в пустыне и страдающего от жажды, ценность одного глотка воды будет намного выше целой груды драгоценных камней.

Ну и наконец, понимание феномена ценности позволяет корректно разрешить загадку взаимовыгодного неэквивалентного обмена, когда каждый индивид, вступая в экономическую сделку, пытается получить в её результате большую ценность, нежели отдаёт.

Такую ситуацию взаимовыгодного и при этом неэквивалентного с обоих сторон обмена Менгер рассматривает на примере бартерных сделок между субъектами, исходно обладающими различным числом одинаково ценимых обоими благ.

Менгер, что называется «на пальцах» объясняет этот принцип, разбирая случай, когда, американские фермеры А и В, одинаково нуждающиеся для ведения своего хозяйства и в лошадях, и в коровах, изначально имеют в своем распоряжении разные их количества.

Пусть, например, фермер А является обладателем восьми коров, но не имеет лошадей. В то же время фермер В имеет восемь лошадей, но не имеет коров. Даже, если оба фермера одинаково ценят и лошадей, и коров, очевидно, что ценность и первой лошади, и первой коровы будет для обоих выше, чем ценность, соответственно, последней лошади, и последней коровы. В условиях обладания разными количествами, соответственно, лошадей и коров, между фермерами естественным образом возникает взаимовыгодный, и при этом одновременно неэквивалентный обмен, когда каждый из фермеров отдаёт свою, для него менее ценную вещь, а приобретает чужую как более ценную.

На первом этапе обмена фермер А отдаёт свою восьмую корову, получая взамен первую лошадь, что (с его субъективной точки зрения) существенно увеличивает общую ценность имеющихся у него благ. Аналогично, фермер В отдаёт свою восьмую лошадь, приобретая взамен первую корову, что также (с его субъективной точки зрения) существенно увеличивает общую ценность имеющихся у него благ.

На втором этапе обмена фермер А отдаёт свою седьмую корову, получая взамен свою вторую лошадь, что опять же ведет к наращиванию субъективно им воспринимаемой общей ценности имеющихся у него благ. Фермер В оказывается в том же положении. Он отдаёт свою седьмую лошадь, получая взамен вторую корову и опять же (с его субъективной точки зрения) оказывается в выигрыше.

Очевидно, что обмен между фермерами будет происходить до той поры, пока (субъективно воспринимаемая) ценность отдаваемой вещи не становится равной (субъективно воспринимаемой) ценности получаемой вещи. В нашем случае такое равенство наступает на четвертом этапе обмена, когда встаёт вопрос: менять ли четвертую

лошадь на четвертую корову? Поскольку ценность четвертой коровы и четвертой лошади в глазах обоих фермеров оказываются равными, обмен (для каждого из фермеров) уже перестаёт быть неэквивалентным и, соответственно, прекращается.

Логика Менгера может быть обобщена.

Везде, где субъекты (по тем или иным причинам) обладают различными количествами ценимых обоими благ, между этими субъектами естественным образом возникает взаимовыгодный (ценностно неэквивалентный с обоих сторон) обмен. Такой обмен возникает, например, между приморскими и континентальными народами, между земледельцами и скотоводами, между аграрным сектором и сектором промышленным и т.д., и т.п. Такой обмен непосредственно коррелирует с прогрессом общественного разделения труда и будет только нарастать по мере увеличения последнего.

Итак, ещё раз подчеркнём и новизну, и концептуальную важность маржиналистской революции, открывшей весьма плодотворные перспективы в понимании межчеловеческих взаимодействий. Маржиналисты принципиально изменили взгляд на природу обменных межчеловеческих взаимодействий. Традиционно, начиная с Аристотеля и заканчивая Марксом, обменные взаимодействия между людьми трактовались с позиции эквивалентного обмена Маржинализм доказал, что эта трактовка ошибочна. Фундаментальным принципом обменных взаимодействий между людьми является принцип (не эквивалентного, а) неэквивалентного обмена.

И современная экономическая наука, и современная праксиология как общая теория человеческой деятельности проникнуты философией маржинализма и полностью разделяют его мировоззренческо-методологическую программу.

Современная экономическая наука исходит уже не из модели эквивалентного обмена товаров (по их стоимости), а руководствуется моделью неэквивалентного обмена, согласно которой каждый из экономических агентов (будь то покупатель или продавец) осуществляет сделку только в том случае, если она представляется ему выгодной, и значит вступает не в эквивалентный, а в (субъективно воспринимаемый как) неэквивалентный обмен.

И это относится не только к сугубо экономическим сделкам. Можно утверждать, что для всех процессов межчеловеческого взаимодействия базовой является модель «неэквивалентного обмена». Именно такое понимание даёт нам философия маржиналистской революции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Беккер 2003 – Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 672 с.

2. Капелюшников 1989 – Капелюшников Р. И. В наступлении – homo economicus // МЭиМО. 1989. № 4. – С. 142–148.

3. Менгер 1992 – Менгер К. Основания политической экономии // Австрийская школа в политической экономии: К. Менгер, Е. Бём-Баверк, Ф. Визер. – М.: Экономика, 1992. – С. 32–242.

4. Мизес 2005 – Мизес Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. – Челябинск: Социум, 2005. – 878 с.

5. Роббинс 1993 – Роббинс Л. Предмет экономической науки // THESIS. 1993. Вып. 1. – С. 10–23.

6. Смит 2007 – Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Эксмо, 2007. – 960 с.

Информация об авторах

Черников Михаил Васильевич, профессор, Воронежский государственный технический университет, Культурно-просветительский факультет, кафедра философии, социологии и истории.

E-mail: mv.chernikov@gmail.com

Перевозчикова Лариса Сергеевна, заведующий кафедрой философии, социологии и истории, Воронежский государственный технический университет, Культурно-просветительский факультет, кафедра философии, социологии и истории.

E-mail: pls@cchgeu.ru

Авдеенко Евгения Викторовна, доцент, Воронежский государственный технический университет, Культурно-просветительский факультет, кафедра философии, социологии и истории.

E-mail: jjaane@yandex.ru

Chernikov M.V., Perevozchikova, L.S., Avdeenko E.V.

PRINCIPLES OF SOCIAL INTERACTION: THE PHILOSOPHY OF MARGINALISM

Abstract. This article discusses the conceptual innovations introduced into modern social and humanitarian science by the marginalist revolution that unfolded in the second half of the XIX century.

It is argued that the marginalist revolution opens up new fruitful ideological and methodological perspectives for understanding not only purely economic phenomena, but also all forms of interpersonal interactions.

The philosophy of the marginalist revolution is analysed in detail. It turns out that the basic type of exchange interactions in human society is the not a principle of equivalent, but non-equivalent exchange. The issue of the value for the goods intended for exchange is discussed. The article describes why there are differences in the interpretation of the value of one and the same object for different people or why this interpretation could change over time.

Both general theoretical and applied implications arising from the of acceptance marginalist research program as fundamental are analysed.

Keywords: marginalist revolution, worldview, methodology of social sciences and humanities, principle of non-equivalent exchange, maximization principle.

Literature

1. Becker 2003 – Becker G.S. Human behavior: an economic approach. – M.: Higher School of Economics, 2003. – 672 p.

2. Kapelyushnikov 1989 – Kapelyushnikov R. I. On the offensive – homo economicus // MEiMO. 1989. No. 4. – Pp. 142–148.

3. Menger 1992 – Menger K. The foundations of political economy // The Austrian school in political economy: K. Menger, E. Boehm-Bawerk, F. Wieser. – M.: Economics, 1992. – Pp. 32–242.

4. Mises 2005 – Mises L. Human activity. A treatise on economic theory. – Chelyabinsk: Socium, 2005. – 878 p.

5. Robbins 1993 – Robbins L. Subject of economic science // THESIS. 1993. Issue 1. – Pp. 10–23.

6. Smith 2007 – Smith A. Research on the nature and causes of the nations' wealth. – Moscow: Eksmo, 2007. – 960 p.

7. Chernikov 2013 – Chernikov M.V. General theory of human interactions: a conceptual framework / Voronezh, IMMiF, 2013. – 116 p.

Authors

Michael Vasilevich Chernikov, Professor, Voronezh State Technical University, Faculty of Culture and Education, Philosophy, Sociology and History Department.

E-mail: mv.chernikov@gmail.com

Larisa Sergeevna Perevozchikova, Head of Philosophy, Sociology and History Department, Voronezh State Technical University, Faculty of Culture and Education, Philosophy, Sociology and History Department.

E-mail: pls@cchgeu.ru

Evgeniia Viktoronva Avdeenko, Associate Professor, Voronezh State Technical University, Faculty of Culture and Education, Philosophy, Sociology and History Department.

E-mail: jjaane@yandex.ru

КАЗАНСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

#3 2022 (54)

Подписано в печать 24.06.2022

Дата выхода в свет 24.06.2022

Формат 60 x 84 1/8

Усл. печ. л. 6,1. Тираж 300 экз. Заказ № 46/6.

Цена свободная

Отпечатано в типографии
Издательства Казанского университета

Адрес издателя: 420008, г. Казань,
ул. Профессора Нужина, 1/37

тел. (843) 233-73-59, 233-73-28